

ISSN 2587-8573

НОВЫЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ
Вестник
международный научный журнал

2
2018

16+

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Международный научный журнал

№ 2 (04) / 2018

ISSN 2587-8573

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Члены редакционной коллегии:

Дядюн Кристина Владимировна, *кандидат юридических наук*

Кенесов Асхат Алмасович, *кандидат политических наук*

Курпаяниди Константин Иванович, *PhD*

Кучерявенко Светлана Алексеевна, *кандидат экономических наук*

Яхина Асия Сергеевна, *кандидат технических наук*

Руководитель редакционного отдела:

Кайнова Галина Анатольевна

Ответственный редактор:

Осянина Екатерина Игоревна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Майер Ольга Вячеславовна

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 10.04.2018. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Гунина Е.В. Суд как субъект нормотворческой деятельности.	1
---	---

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Тутунов Б.М. Международное инвестиционное сотрудничество РФ	3
Яковенко Е.А. Некоторые вопросы определения предмета корпоративного договора	4

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Бондаренко О.А. Основные аспекты, связанные с возникновением и функционированием акционерного общества в современных условиях.	6
--	---

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Семенкова В.М. Новеллы доверительного управления наследственным имуществом	12
--	----

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Евдокимова Е.М. Обеспечение единства правоприменительной практики при рассмотрении дел, связанных с суррогатным материнством	14
--	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Куручкин И.А. Отдельные аспекты применения полиграфа в уголовном процессе.	18
Миненко К.С., Воронцова Н.В. Изменения уголовно-процессуального законодательства на постсоветском пространстве: вестернизация или модернизация права?	19
Тарасов С.Р. Объект незаконных организации и проведения азартных игр в теории и судебной практике.	22
Харитоненко М.А. Проблемы, возникающие при расследовании получения взятки, и пути их решения	24

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Некоз А.С.

**Правовые особенности ответственности за подстрекательство в законодательстве
зарубежных стран 27**

Саппаров Р.Р.

Итальянский опыт противодействия преступлениям в сфере банкротства 32

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Суд как субъект нормотворческой деятельности

Гунина Елена Вадимовна, магистр

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России

В статье анализируются проблемные вопросы нормотворческой деятельности суда. Обоснована авторская позиция по разделению понятий «судебная практика» и «судебный прецедент». Акцентируется внимание на необходимости подчиненного положения судебного прецедента по отношению к закону.

Ключевые слова: *судебная практика, судебный прецедент, нормотворческая деятельность суда, теория разделения властей, конкретное, абстрактное.*

Теория разделения властей, несмотря на свой фундаментальный, системообразующий характер является лишь общим правилом, из которого, как и из любого другого общего правила, имеются исключения. Одно из таких исключений связано с конкуренцией между судебной и законодательной ветвями власти в сфере нормотворческой деятельности. Как отмечает М. Н. Марченко, «судебная правотворческая активность осуществляется в строгом соответствии с законом и на основе закона, и при этом не только не противоречит законодательной деятельности парламента, а, наоборот, ее дополняет и обогащает» [4, с. 390].

Судебные органы многих стран фактически «творят право» имея в качестве результата своей деятельности такие формы права как судебный прецедент и судебную практику. Последняя, несмотря на то, что ее относят к неофициальной (дополнительной, доктринальной, нетипичной) форме права играет важную роль, как своеобразный ориентир для судей в осуществлении правосудия на территории Российской Федерации. Вышеуказанные продукты судебного нормотворчества играют важную роль в обеспечении единства судебной практики и в этой связи заслуживают пристального внимания со стороны научной общественности. Исследование в данной сфере общественных отношений должно проводиться с учетом опыта зарубежных стран в аналогичной сфере деятельности. Наибольший интерес в этой связи представляют правовые системы стран Западной Европы (Франция, Германия) с которыми мы наиболее близки не только в социокультурном плане (по общепринятой градации Россия — евразийская страна), но и в правовом, поскольку являемся частью единой правовой семьи (романо-германской). Хотя следует учитывать тот факт, что «при наличии общих черт позитивного права, оно все же в различных странах оказывается разным» [1, с. 93]. Исследование особенностей использования такой формы права как судебный прецедент было-бы неполным без обращения к его альма-матер — судебной

системе Великобритании. К тому же, если опираться на точку зрения О. Шпенглера относительно исторических типов права [5, с. 81–82], то право Великобритании логично рассматривать в единой системе западноевропейского права вместе с правом Франции и Германии.

Таким образом, исходя из высокой социальной значимости вопросов, связанных с нормотворческой деятельностью судов, их доктринальной неопределенностью и правоприменительной значимостью считаем, что исследование данной тематики является весьма актуальным и требует дальнейшей разработки.

Прежде чем спорить, необходимо определиться с терминами. Объектом настоящего исследования является нормотворческая деятельность суда в формах судебной практики и судебного прецедента. Проведенный нами анализ опубликованных по данному вопросу исследований показывает, что очень часто понятия «судебная практика» и «судебный прецедент» используют как синонимы. Например, Р. Кросс при исследовании судебного прецедента делает вывод, что понятия «судебный прецедент» и «судебная практика» рассматриваются как идентичные, взаимозаменяемые, выступающие, по общему правилу, под одним и тем же названием — «прецедент» [3, с. 151–154].

Мы не согласны с подобным подходом и попытаемся разграничить данные термины, так как они имеют самостоятельный эвристический потенциал. В самом общем виде их можно разграничить следующим образом.

Судебная практика не имеет обязательной юридической силы, складывается в результате рассмотрения аналогичных дел, является ориентиром для судей в случае, если решение «устояло», т. е. не было изменено вышестоящими судебными инстанциями.

Судебный прецедент — это решение суда вышестоящей инстанции, которое носит обязательный характер для всех судов, рассматривающих схожее дело под угрозой отмены вынесенного решения.

Таким образом, можно говорить о том, что судебная практика — понятие более широкое, но менее обязательное.

Исследовать обозначенные выше правовые явления целесообразно сквозь призму парных философских категорий конкретное и абстрактное. Так, судебная практика может быть рассмотрена и как абстрактное понятие и как конкретное. Как абстрактное, во взаимосвязи с такими выражениями как: судебная практика вообще, какая-то судебная практика. А как конкретное — в тех случаях, когда речь идет о судебной практике в отношении конкретной категории дел. Во взаимосвязи с судебным прецедентом судебная практика чаще рассматривается как понятие абстрактное.

Категории «конкретное» и «абстрактное» играют важную роль в правовом регулировании. Абстрактные понятия есть результат эволюции права, его ухода от казуистического способа изложения правового материала. Судебная практика может быть более абстрактна, но при этом иметь более высокий регулятивный потенциал, если она исходит от более высокой судебной инстанции. Судебный прецедент является, как правило, продуктом высших судебных инстанций. В основном это продукт более конкретный, чем судебная практика, но для нижестоящих судов судебный прецедент — явление весьма абстрактное, ибо нижестоящие суды должны руководствоваться сутью прецедента, некой выжимкой из рассмотренной ситуации в целом.

Рассматривая суд как субъект нормотворческой деятельности следует учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, он является конечной инстанцией рассмотрения правового спора в правовой плоскости. Разрешение споров возможно и вне суда. Например, при посредничестве медиаторов. Но это не последняя инстанция в механизме правового разрешения споров. Последней инстанцией является только суд. Это должен понимать каждый участник правоотношения для придания

стабильности и определенности этому отношению. Во-вторых, суд является субъектом нормотворческой деятельности и его правовые позиции играют важную роль в правовом регулировании общественных отношений. Судебная практика и судебные прецеденты имеют стержневое значение для всей правовой системы. По своей значимости их можно сравнить с принципами права. Но в отличие от принципов права судебная практика и судебные прецеденты — явления динамичные и подвижные. Они позволяют приспособиться праву к постоянно меняющейся социальной реальности, не прибегая к революционным изменениям, поддерживая действенность такого важного свойства права как его преемственность.

Тем не менее, нормотворческая деятельность судов не должна превалировать над нормотворческой деятельностью органов законодательной власти. Судебное нормотворчество в странах романо-германской правовой системы должно носить вспомогательный характер. В странах англо-саксонской правовой системы ситуация может быть противоположной. Например, вопреки сложившемуся стереотипу в Великобритании наряду с прецедентной системой существует весьма обширная законодательная система в виде статутного права. В последнее время в английской правовой доктрине проявляется тенденция признания большей юридической силы за нормативными актами. В случае противоречия прецедента закону, приоритет остается за последним. Прецедент может быть аннулирован законом [2, с. 149]. Этот опыт, на наш взгляд, следует позаимствовать и для российской системы правового регулирования. Такой подход соответствует принципу разделения властей.

Таким образом, нормотворческая деятельность суда не просто имеет право на существование, но и необходима для придания правовой системе гибкости. Законодатель не всегда способен своевременно реагировать на обнаружившиеся в праве пробелы, что не должно влиять на действенность права.

Литература:

1. Алексеев С. С. Избранное. М., 2003.
2. Гражданский процесс зарубежных стран: учебное пособие / под ред. А. Г. Давтян. М., 2011.
3. Кросс Р. Прецедент в Английском праве. М., 1985.
4. Марченко М. Н. Источники права: учеб. пособие. М., 2005.
5. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. М., 1993.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Международное инвестиционное сотрудничество РФ

Тутунов Биал Мирзаевич, студент

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (г. Москва)

В статье отражены особенности направлений международного инвестиционного сотрудничества РФ за последние годы с учётом геополитических, правовых и экономических особенностей. Дана характеристика наднациональным организациям в области трансграничного реформирования правовых механизмов и отграничения интересов инвесторов от политических и политизированных решений. Сформированы наиболее актуальные направления привлечения прямых и венчурных инвестиций.

Ключевые слова: инвестиционное сотрудничество, внешнеэкономическая деятельность, прямые инвестиции, венчурные инвестиции, цифровая экономика, гражданско-правовое регулирование.

Представляя собой весьма многоаспектное и специфичное направление внешнеэкономической политики, международное инвестиционное сотрудничество по сей день остаётся наиболее эффективным средством достижения взаимовыгодных целей путём производственной кооперации, международной торговли, научно-технического партнёрства и иных интеграционных процессов.

Защита инвесторов от решений, связанных с отграничением перемещения средств, конфискаций и расторжений условий контракта является важным направлением инвестиционного сотрудничества в наднациональном масштабе, именно с этими целями в 1985 году в Сеуле была подписана Конвенция об учреждении Многостороннего агентства по инвестиционным гарантиям (МИГА), которое является гарантом отграничения интересов частным инвесторов от политических рисков.

Кроме того, важно отметить, что успешное функционирование и наращивание международных связей не представляется возможным без наличия национальной нормативной базы, способной отражать как фундаментальные особенности внешнеэкономического курса, так и частные особенности иностранных инвестиционных отношений. И в этой связи следует особо подчеркнуть, что совершенствование данных правовых норм также направлено на устранение злоупотреблений физическими и юридическими лицами с помощью компаний зарегистрированных за рубежом, такая практика является для России нередкой.

В особенности, в конце 2017 года на сайте Правительство РФ было опубликовано распоряжение о внесении в федеральный законодательный орган проекта закона по совершенствованию инвестиционного законодательства [1]. Также следует подчеркнуть последние тенденции ряда стран по совершенствованию отдельных отношений, связанных с созданием и деятельностью юридических лиц. И в этом смысле наша страна не стала исключением, Правительство

РФ также поручило разработать поправки в гражданское законодательство, в соответствии с майскими указами Президента РФ, направленные на повышение защиты прав миноритарных акционеров в рамках исследований Всемирного банка Doing Business [2], которые отражают рейтинг благоприятности условий ведения предпринимательской деятельности в ряде стран по 11 индикаторам с учётом федеративных особенностей:

- глобально
- регистрация предприятий
- получение разрешений на строительство
- подключение к системе энергоснабжения
- регистрация собственности
- получение кредитов
- защита миноритарных акционеров
- налогообложение
- международная торговля
- обеспечение исполнения контрактов
- разрешение неплатежеспособности [3].

Безусловно, данные критерии определяют инвестиционную привлекательность той или иной страны, но не отражают в полной мере, на наш взгляд, степени государственной поддержки. Несмотря на общую положительную динамику (35 место в общем рейтинге), касательно темы данного научного изыскания (а именно индикатор «международная торговля») Российская Федерация занимает 100 место к началу 2018 года. Но по мнению экспертов, данная цифра является промежуточной и связана с геополитической обстановкой в мире.

Если говорить о действующих реалиях инвестиционного сотрудничества, на сегодняшний день, сложно переоценить вклад Международного агентства по инвестиционным гарантиям, Международного банка реконструкции и развития в становление наднациональной диалоговой площадки и разделение экономико-инвестиционных интересов от весьма пагубного политического

вмешательства. Пожалуй, именно такие формы сотрудничества позволяют, в том числе, выявить недостатки национальных законодательных баз путём сравнительно-правового анализа, а также составить страновые стратегии с учётом последних научно-технических разработок. И в этом смысле, мы видим перспективы привлечения в Россию венчурных инвестиций, ведь исполнительной властью уже намечен широкоаспектный курс легализации и систематизации понятийно-категориального аппарата в области инноваций, информатизации и роботизации экономики в программе Правительства РФ «Цифровая экономика России». Среди отмеченных направлений следует особо выделить следующие:

- информатизация банковского сектора
- введение в законодательную базу таких понятий как «краудфандинговая деятельность, криптовалюта и блокчейн»

- внедрение новых мер по защите и контролю за оборотом информации
- развитие IT сектора (главного сектора по доли венчурных инвестиций).

Подводя итог вышесказанному, уместно сделать выводы о том, что успешных результатов во внешнеэкономической деятельности России возможно достичь путём диверсификации инвестиционных направлений РФ с учётом территориальных особенностей и степени развитости отдельных отраслей. Формирование законодательной базы в области инновационной деятельности, безусловно, важнейшее направление в конструировании инвестиционных правоотношений, но не следует упускать, что залогом продуктивного развития таких правоотношений является институциональная целостность проводимых реформ, а именно — их полнота их реализации во всех отраслях.

Литература:

1. В России усовершенствуют инвестиционное законодательство // Российская газета. URL: <https://www.rg.ru/2017/12/26/v-rossii-usovershenstvuiut-investicionnoe-zakonodatelstvo> (дата обращения: 03.02.2018).
2. Правительство защитит права миноритарных акционеров // Право. URL: <https://pravo.ru/news/view/141706/> (дата обращения: 04.02.2018).
3. Россия — оценка бизнес регулирования; Всемирный банк // Doing Business. URL: <http://russian.doingbusiness.org/> (дата обращения: 18.01.2018).
4. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) © КонсультантПлюс, 1997—2018.

Некоторые вопросы определения предмета корпоративного договора

Яковенко Екатерина Анатольевна, магистрант

Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск)

На основе анализа норм действующего законодательства и исследования доктрины гражданского права в работе раскрывается проблема определения предмета корпоративного договора.

Ключевые слова: предмет договора, предмет корпоративного договора.

Some of the issues determining of the subject of a corporate contract

Based On the analysis of the current legislation and the study of the doctrine of civil law the article reveals the problem of defining the subject of corporate contract.

Keywords: Subject of the contract, subject to a corporate agreement.

Предмет является единственным существенным условием корпоративного договора. Как отмечают некоторые ученые, предмет корпоративного договора представляет собой принятие сторонами имущественных обязательств при реализации корпоративных прав. Но принятие данных обязательств преследует своей целью не получение денежных вознаграждений, а реализацию инвестиционного проекта [1]. В тоже время, в отечественном праве об этом не сказано ни слова, и если

не применять юридическое толкование, то получается, что корпоративный договор по действующему законодательству — это соглашение, в котором отсутствует четко выраженная кауза.

Следовательно, необходимо определить, есть ли у корпоративного договора кауза, наличие или отсутствие которой позволит утверждать, является ли данное соглашение самостоятельным видом договора с четко выраженным предметом. Под каузой понимается правовая

цель договора, его направленность на последствия, которые будут достигнуты при надлежащем исполнении соглашения [4].

В соответствии с действующим гражданским законодательством, участники хозяйственного общества вправе заключить между собой корпоративный договор об осуществлении своих корпоративных прав, по которому они обязуются осуществлять эти права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления, в том числе голосовать определенным образом на общем собрании участников общества, согласованно осуществлять иные действия по управлению обществом, приобретать или отчуждать доли в его уставном капитале (акции) по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств либо воздерживаться от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств [1].

Из данной нормы следует, что существует два вида корпоративного договора. Первым выступает корпоративный договор, в котором сторонами урегулирован порядок осуществления своих корпоративных прав определенным образом, либо определены обязанности воздержаться от их осуществления. В этом случае стороны преследуют единую цель. Вторым видом корпоративного договора является соглашение сторон, которое направлено на урегулирование отношений, возникающих по поводу приобретения или отчуждения доли в уставном капитале (акции) хозяйственного общества по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств, либо стороны обязуются воздержаться от продажи доли (акции) до наступления определенных обстоятельств.

В первом виде договора можно проследить сходство с договором простого товарищества. Как отмечает Е. А. Суханов, в праве зарубежных стран уже довольно долго господствует подход о наличии сходства предметов корпоративного договора и договора простого товарищества [3].

Сходство этих двух договоров связано со следующими признаками:

1. Наличие у сторон общего имущества. При заключении корпоративного договора, его стороны как бы объединяют принадлежащие им доли (акции) для совместной реализации своих корпоративных прав. При заключении договора простого товарищества стороны объединяют свои имущественные вклады.

2. Единство цели, которую преследуют стороны при заключении соглашения. В корпоративном договоре стороны для достижения цели — управление обществом, совместно осуществляют свои права. Сходство с договором простого товарищества проявляется в том, что стороны подобного соглашения заключают его для достижения общей цели.

Так же стоит отметить, что косвенно действие корпоративного договора распространяется не только на его участников, но и на все общество в целом. Это связано с тем, что в соответствии с п. 4 ст. 67.2 ГК РФ, участники хозяйственного общества, заключившие корпоративный договор, обязаны уведомить общество о факте заключения данного договора. Исходя из этого, можно утверждать, что стороны данного договора вступают в отношения и с остальными участниками общества, так как они обязаны раскрыть информацию о сторонах заключенного корпоративного договора и о самом факте заключения подобного соглашения.

Во втором случае, когда корпоративный договор выступает как соглашение сторон, которое направлено на урегулирование отношений, возникающих по поводу приобретения или отчуждения доли в уставном капитале (акции) хозяйственного общества по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств, либо стороны обязуются воздержаться от продажи доли (акции) до наступления определенных обстоятельств, можно проследить сходство его предмета с предметом договора купли продажи (в котором стороны заранее договорились о цене). Сходство этих двух договоров проявляется в том, что такой вид корпоративного договора по своей природе имеет ярко выраженный консенсуальный и встречный характер, а отношения, урегулированные подобным соглашением, связаны с распоряжением долей в уставном капитале корпорации.

Таким образом, проблема определения предмета корпоративного договора заключается в том, что в отечественном праве отсутствует возможность выделить единый предмет данного соглашения, так как он является собирательным договором и состоит из различных обязательств, которые отличаются друг от друга по своим целям. В наиболее общем виде предмет корпоративного договора представляет собой совокупность юридических действий или бездействий, на которые направлены воля его сторон по управлению организацией или реализации прав на акции.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51 — ФЗ (ред. от 05.12.2017 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Монастырский Ю. Э. Трудности использования корпоративных соглашений на основе российского права [Электронный ресурс] // Образовательный онлайн — ресурс «Studme». — Режим доступа: www.studme.ru. — Дата обращения: 29.12.2017 г.
3. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право / Е. А. Суханов — М.: Статут, 2014. — 221 с.
4. Уралова А. А. Сущность (существо) смешанного договора. // Сибирский юридический вестник. — 2012. — № 2. — С. 64–68.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Основные аспекты, связанные с возникновением и функционированием акционерного общества в современных условиях

Бондаренко Олег Александрович, кандидат экономических наук, доцент
Российский колледж традиционной культуры (г. Санкт-Петербург)

В Соединенных Штатах существуют три основные формы организации бизнеса: единоличная собственность, товарищество (партнерство) и корпорация. Единоличная собственность как форма бизнеса охватывает наибольшее количество предприятий, но корпоративная форма является преобладающей по размерам продаж, имущества, прибыли и вкладу в национальный доход.

Корпорация — это обезличенное предприятие, созданное законом; оно может владеть имуществом и брать на себя обязательства. В известном в США решении, принятом Дартмутской коллегией в 1819 году, судья Маршалл заявлял: «Корпорация — это искусственное создание, невидимое, неосязаемое и существующее только законодательно. Будучи простым порождением закона, она обладает только той собственностью, которую устав о её создании дарует ей» [2, с. 21].

Основная отличительная черта этой формы организации бизнеса та, что корпорация существует независимо от её собственников. Ответственность собственника ограничена его капиталовложениями. Ограниченная ответственность — важное преимущество по сравнению с единоличной собственностью или товариществом. Корпорация может привлекать средства под своим именем, не возлагая на собственников неограниченную ответственность. Следовательно, для удовлетворения претензий к корпорации невозможно конфисковать личное имущество её собственников. Право на долю собственности корпорации подтверждается долей в её акционерном капитале, причем каждому держателю акций принадлежит часть имущества корпорации, которая соответствует доле его акций в общем количестве акций, выпущенных в обращение. Эти акции могут передаваться другим лицам, что является ещё одним важным преимуществом корпоративной формы организации бизнеса. Кроме того, корпорация продолжает свою деятельность и в случае смерти отдельных владельцев акций, и когда кто-либо из владельцев пожелает продать свой пакет акций.

Преимущества, связанные с ограниченной ответственностью, возможностью передачи собственности,

а также способность корпорации привлекать капитал сверх вкладов определили широкое распространение корпоративной формы организации бизнеса в течение последнего столетия. В условиях острой потребности в капитале, которая является основной характеристикой развитой экономики проявилась несостоятельность единоличной собственности и товарищества, в результате чего корпорация стала важнейшей организационной формой бизнеса.

Термин «корпорация» (corporation) является недавним изобретением; это слово английского происхождения стало употребляться во Франции, где предпочитали использовать понятие «сообщество», в том числе «сообщество искусств и ремесел», только во второй половине XVIII века. Этот термин представляется наиболее удачным, так как позволяет рассматривать корпорации в разных сферах жизни средневекового общества — в ремесле и торговле, в религиозной сфере (капитулы, ордена, братства), в образовании (университеты), а также в разного рода территориальных объединениях (коммуны, земли) и самое главное — корпоративность всего общества [3, с. 149].

Ремесленным уставом XIII—XVIII веков термин «корпорация» (как corporation) неизвестен. В тех случаях, когда источники имеют в виду объединение, общность мастеров, они рассматривают ремесло (mestier), общество (commun), сообщество, очень часто — мастеров ремесла или определяют профессиональную принадлежность.

Изучая историю развития и структурные особенности всех предшественников акционерного общества, следует отметить, что наибольшее распространение в средние века имели городские корпорации или ремесленные гильдии (мастерства или братства), т. е. цехи.

Средневековые цехи появились в итальянских городах примерно в IX—X веках, а в XI веке получили повсеместное распространение в Италии. Однако в этом столетии они еще не стали особенностью экономического развития остальной части Европы. Во Франции первые цехи возникли в XI веке, а в Англии и Германии в XII веке можно было встретить только редкие городские корпорации. Тенденция их количественного роста

впервые проявилась только в XIII веке, а XIV—XV века становятся эпохой расцвета цехов и цеховой организации во всей Европе. Цехи продолжали расширяться вплоть до XVII века, в силу дробления на более мелкие также росла их численность [9, с. 178—179].

В большинстве стран цехи (гильдии) получали признание со стороны государства, выражавшееся, в частности, в виде грамот на инкорпорацию, дававших им право субъекта права (юридического лица). При этом цехи обязывали уплачивать определенный взнос в пользу государства.

Специализация ремесел, происходившая как в Средние века, так и в раннее Новое время, создавала огромный потенциал для развития экономики. Она подвела разделение труда к критическому рубежу, формируя предпосылки для машинного производства. Именно последнее обстоятельство способствовало формированию и развитию современной корпорации.

Влиятельное направление экономической мысли — новая институциональная экономическая теория, и в частности такая её ветвь, как теория трансакционных издержек, рассматривает фирму не как производственную функцию, а как совокупность экономических контрактов участвующих в её деятельности лиц. Тем самым предоставляется возможность раскрыть «черный ящик» того, что в рамках неоклассической теории принималось как данность. Такой подход позволяет объяснить эффективность существования компании как результат специфической организации участвующих в её деятельности лиц, поскольку гармонизация контрактного взаимодействия сама по себе выступает источником экономической ценности. Современная корпорация понимается «... как продукт серии организационных инноваций, целью и результатом которых была минимизация трансакционных издержек» [10, с. 35].

Представитель институционализма Дж. Коммонс сделал акцент на важность коллективных действий в рыночной экономике и распространение теории сделки на этот процесс, а также обратил внимание на «разумную ценность» и спонтанное формирование «разумных обычаев» в ходе коллективных переговоров. В данном случае вектор исследования оказался нацеленным в эпицентр взаимоотношений на микроуровне, т. е. аналитики прониклись важностью проблем первичной клетки экономики — корпорации. Следовательно, институциональная мысль от анализа рынка вообще постепенно, по логике вещей переориентировалась на исследование вопросов взаимоотношений в отдельном субъекте хозяйствования. Так, А. Берль и Г. Минз в работе «Современная корпорация и частная собственность» (1932 год) решили изучить структуру прав в корпорации, вероятно, подчиняясь отмеченной выше инерции, но несколько сместили центр тяжести от коллективных взаимоотношений между капиталистами и рабочими к отношениям между собственниками и менеджерами. Проанализировав обширный статистический материал, они подробно обосновали вывод, намеченный в последней книге Т. Веблена, об отделении собственности от контроля в крупных акционерных компаниях. Большинство собственников

превратилось в пассивных инвесторов, а реальное управление предприятиями перешло в руки менеджеров, которые могут осуществлять контроль над корпорациями в своих интересах. Это представление хотя и не является единственно правильным во всех ситуациях, в действительности ситуация гораздо сложнее, но акцент на исследование проблем права собственности как ключевой категории во взаимодействии экономики и права имеет под собой прочную основу [1, с. 69].

В современных условиях основы корпоративного законодательства устанавливают за корпорацией право действовать на правах юридического лица независимо от своих владельцев. Корпорация может от своего собственного имени подписывать контракты, брать кредиты, выдавать ссуды, причем отдельные акционеры не несут никакой ответственности за ее действия. Такое юридически независимое существование корпорации крайне необходимо для того, чтобы компания могла нормально функционировать при наличии огромного числа индивидуальных акционеров [6, с. 170].

Корпорации, как правило, создаются в форме акционерного общества, в капитал которого вкладывают свою долю некоторые слои населения. Общее собрание акционеров выбирает правление акционерного общества. Значительная часть прибыли корпорации ежегодно распределяется между акционерами в виде дивиденда.

Акции являются предметом купли — продажи, они обращаются на рынке ценных бумаг, т. е. на фондовой бирже. Динамика курсов акций является главным синтетическим показателем, отражающим финансовое состояние корпорации: устойчивое повышение курсов акций, свидетельствует о благоприятной финансовой перспективе корпорации, понижение их курса связано с ухудшением финансового положения корпорации и может привести к банкротству [8, с. 282].

Акционерное общество — это совокупность юридических правил, техники, приемов, предназначенных для того, чтобы юридически организовать и регламентировать деятельность предприятия. Акционерное общество постепенно приспосабливается к потребностям предприятия.

Наиболее полное определение акционерному обществу было дано Г. Ф. Шершеневичем: «Акционерное товарищество представляет собой договорное соединение лиц для совместного производства торгового промысла, с ограниченной определенным вкладом ответственность каждого участника» [11, с. 138].

Основная функция акционерного общества — аккумуляция свободных ресурсов. Поскольку вложения в уставный капитал в основном производится ликвидным имуществом, переходящим в собственность общества, такие вложения не являются специфическими и не могут быть застрахованы от оппортунизма участвующих в управлении ими лиц «сами собой». Это означает, что у акционерного общества в силу его природы должен быть специфический, характерный только для него механизм привлечения средств и трансформации их в инвестиции. Тем самым появление акционерного общества может быть обусловлено только такими его

свойствами, которые качественно отличают его от других способов организации «контактного взаимодействия». При этом полезный эффект от его использования должен превышать полезный эффект, получаемый для достижения тех же целей иными путями.

Наиболее ранние теоретические конструкции правовой природы акционерного общества, которых придерживались известные коммерциалисты XVIII — начала XIX веков Савари, Ф. К. фон Савиньи, Тель и другие, определяли акционерное общество как товарищество (договор). Такой подход был обусловлен следующими обстоятельствами: в момент появления этих теорий акционерного общества в современном его виде еще не существовало, ученые анализировали колониальные компании, которые не полностью соответствовали современной конструкции «акционерное общество». Данные концепции не выделяют особенностей акционерного общества, а просто отождествляют его с товариществом, полагая, что акционерное общество, равно как и товарищество, создается совместными усилиями лиц и направлено на достижение общей хозяйственной цели.

Наиболее интересную и подробную концепцию акционерного общества как договора разработал немецкий исследователь Тель, создавший теорию товарищеской направленности акционерной формы, в которой акционерное общество рассматривалось как товарищество, основанное на договоре. Хотя акционерное общество и юридическое лицо имеют сходные черты, однако, как указывал Тель, это только внешнее сходство, а внутренняя их природа различна. Лица, создающие акционерное общество, образуют не юридическое лицо, а товарищество с ограниченной ответственностью. Поэтому лицо, совершающее сделки от имени такого товарищества, обязано включить в них условие об ограниченной ответственности участников товарищества. Акционеры, заключая сделки, должны были предупреждать своих контрагентов о том, что полной имущественной ответственности по обязательствам общества не несут [9, с. 138].

В то же время концепции, трактующие акционерное общество как товарищество (договор), имели ряд существенных недостатков, основное содержание которых заключалось в следующем.

Во-первых, акционерное общество не может быть договором, поскольку тогда все решения в акционерном обществе должны приниматься единогласно, а не большинством. В противном случае нарушается важный принцип гражданского права, а именно: неподчинение одного лица воле другого лица при их совместном участии в гражданских (имущественных) отношениях (гражданское право не допускает навязывания воли одного лица другому в силу свободы сторон и равноправия участников).

Во-вторых, возможность свободного обращения акций означает, что у участников открытого акционерного общества фактически присутствуют только права и полностью отсутствуют обязанности. Однако не может существовать договор с одними кредиторами без должников. Кроме того, при свободном обращении акций и возможности их приобретения иным лицом, которого могут не знать «старые акционеры», трудно предположить, что воля

последних направлена на установление правовой связи с данным лицом.

В то же время, если акционерное общество является договором, то в случае участия в акционерном обществе одного лица (акционера) непонятно, с кем заключен договор. В силу указанных причин договорная теория в чистом виде уже к середине XIX века не имела сторонников, поскольку ее постулаты вошли в противоречие с практикой функционирования и законодательного регулирования акционерных обществ. По мере развития капиталистических отношений личный элемент в акционерных обществах все больше уходил на второй план, уступая место имущественному. Установилось правило, согласно которому для принятия решений не требовалось единогласия акционеров. Преобладающую роль стала играть организация акционерного общества, по своему содержанию не совместимая ни с самостоятельным управлением акционерным обществом акционерами, не учитывающими «волю» указанной организации, ни с правом собственности акционеров на имущество общества [9, с. 141–142].

Кроме теорий, рассматривающих акционерное общество как товарищество, существует еще одна группа теорий, определяющих акционерное общество как форму реализации «юридического лица» (Рено, Гирке и другие). Представители данного направления исходили из противоположности двух форм объединения лиц: юридического лица и товарищества.

В постримскую эпоху, поскольку римские юристы не оставили детальных разработок правовой конструкции «юридического лица», все теории, определяющие его правовую природу, сводились только к теориям фикции. В их основе присутствовало римское право, точнее, его различные интерпретации, а также раннее торговое и общее право (применительно ко взглядам английских юристов).

Папа Иннокентий IV применял теорию фикции не только в отношении общей природы юридического лица, но и в отношении образования юридического лица. Государства впоследствии использовали данную теорию для обоснования доктрины создания юридических лиц посредством разрешения со стороны государства (концессии). Таким образом, теория фикции была использована для того, чтобы усилить и оправдать государственный контроль над юридическими лицами [9, с. 202].

Следующий наиболее заметный шаг в развитии теории фикции был сделан в первой половине XIX века видным германским цивилистом Ф. К. фон Савиньи, который на основе римского права с помощью исторического метода воссоздал систему гражданского права. Савиньи рассматривал юридическое лицо как искусственно созданный субъект права, обладающий имущественной правоспособностью. Он полагал, что, поскольку конкретное физическое лицо существует реально только исходя из этого признается субъектом права, юридическое лицо физически не существует, а поэтому может рассматриваться в качестве субъекта права только в силу воли государства, воплощенной в законе или акте о создании юридического лица [9, с. 204].

Позднее теорию Савиньи для акционерных обществ использовал другой известный юрист А. Рено, который впервые убедительно доказал, что к акционерному обществу невозможно применять теорию товарищества (в отличие от Савиньи). Обосновывая свой взгляд на акционерное общество как форму юридического лица, Рено исходил из того, что оно не может быть товариществом, так как товарищество — вид обязательств, а последнее предусматривает личную заинтересованность одного участника в другом. В акционерном обществе личность акционера ни для общества, ни для иных участников значения не имеет и никакой правовой связи между акционерами не проявляется. Рено полагал, что все объединения лиц вмещаются в две формы: *societas* или *universitas*, а так как он доказал, что акционерное общество не может рассматриваться как товарищество, то делал вывод о том, что к нему следует как к юридическому лицу. Соотнося акционерное общество с делением юридических лиц на «корпорации» и «учреждения», Рено причислял акционерное общество к виду корпораций. Поскольку акционерное общество является чисто капиталистическим объединением, Рено указывал, что на момент создания оно должно иметь точно определенное имущество [9, с. 205–206].

Другим направлением в определении сущности понятия «юридическое лицо» являются теории реальности. Их возникновение связано как с экономическими, так и с идеологическими причинами. В качестве экономических необходимо назвать прежде всего развитие предпринимательских объединений, в том числе акционерных обществ, и превращение их в доминирующий фактор экономической и даже политической жизни многих государств.

Создатели теорий реальности, безусловно, понимали роль права в функционировании юридического лица. Однако они утверждали, что существуют определенные интересы, сходные с интересами других личностей, в результате чего эти интересы можно объединить в общий интерес. Именно этот интерес, в зависимости от его направленности, составляет основу различных видов юридических лиц, в том числе и акционерных обществ. Указанный интерес объективен (реален) и функция права заключается только в его оформлении, т. е. интерес в этом случае первичен, а право производно (в отличие от нормативистских, позитивистских и иных теорий). Теории реальности рассматривают юридическое лицо как некоторое образование с определенной волей, направленное на достижение общего интереса. Теории существа (*inherence theory*) — интерпретация теории реальности — рассматривает в юридическом лице группу, деятельность которой требует специального правового признания со многими атрибутами, характерными для юридического лица [9, с. 211–212].

Перечень признаваемых законом корпораций в основных западноевропейских правовых порядках ограничен весьма небольшим набором из восьми традиционных организационно-правовых форм: три вида неправосубъектных объединений лиц — простое (в том числе негласное), полное и коммандитное товарищество и пять

видов корпораций, являющихся юридическими лицами, — объединение капиталов в форме акционерного общества, акционерной командиты (нередко рассматриваемой в качестве разновидности акционерного общества) либо общества с ограниченной ответственностью, а также кооператив и некоммерческое объединение (союз). Таким образом, классический европейский «стандарт» из восьми корпоративных форм не является принципиально жестким, а допускает различные варианты с учетом национальных особенностей и современных тенденций экономического развития. Вместе с тем в европейском корпоративном праве действует принцип исчерпывающего перечня (*numerus clausus*) видов корпораций. В соответствии с ним не допускается создание корпорации соглашением учредителей (сторон товарищеского договора) в какой-либо форме, прямо не предусмотренной законом, даже если это является неправосубъектная организация [7, с. 4].

В ряде развитых стран, прежде всего в США, акционерные общества заняли доминирующее положение среди субъектов хозяйственной деятельности. Это проявилось в том, что корпоративные отношения легализовались и расширились спекулятивные операции с акциями.

В России в 1990-х годах в ходе экономических реформ акционерные общества были широко использованы по инициативе действовавшей в то время государственной власти, в том числе в целях приватизации. Поэтому возникло привилегированное положение, которое получили акционерные общества в законе и на практике.

Характерным признаком акционерного общества является ограниченная ответственность его участников (акционеров). Шершеневич по этому вопросу утверждал: «Этим признаком отличается акционерное товарищество от полного, в котором все члены отвечают неограниченно, от товарищества на вере, где ограниченная ответственность совмещается с неограниченной» [11, с. 140]. Данный признак ограниченной ответственности акционеров закрепляется во всех нормативных актах, регулировавших акционерную деятельность (ст. 1 Закона от 6 декабря 1836 года, проекты законов 1867, 1872, 1898 и 1899 годов, Гражданский кодекс РСФСР 1922 года, Закон РСФСР о предприятиях и предпринимательской деятельности от 25 декабря 1990 года, ГК РФ, принятый 30 ноября 1994 года, ФЗ «Об акционерных обществах», вступивший в действие с 1 ноября 1996 года) [5, с. 20].

В акционерных обществах право на участие в управлении делами общества и на часть имущества, оставшегося после его ликвидации, а также на получение прибыли АО в виде дивидендов удостоверяется акцией.

Акционерное общество представляет собой как физических, так и юридических лиц, т. е. «сотни и тысячи неизвестных друг другу акционеров составляют единое предприятие» [5, с. 20]. На это указывал в своей работе Шершеневич: «В своем соединении участники образуют юридическое лицо» [11, с. 139].

Действующее российское законодательство не дает прямого ответа на вопрос о сущности юридического лица вообще и акционерного общества в частности. Акционерным обществом признается коммерческая

организация, уставный капитал которой разделен на определенное число акций, удостоверяющих обязательственные права участников общества (акционеров) по отношению к обществу. Общество является юридическим лицом.

В уставе финского акционерного общества должны быть также определены сферы деятельности. Все сделки, которые акционерное общество заключает вне пределов сферы деятельности, записанной в уставе, имеют юридическую силу для самого акционерного общества и для третьих лиц (контрагентов), если только на основе требования (т. е. иска) акционерного общества суд не решит, что сделка является недействительной. Представители общества не вправе заключать сделки, противоречащие цели и сферам деятельности, определенным уставом акционерного общества (Закон об акционерных обществах, гл. 8, ст. 15). Цель и сфера деятельности акционерного общества влияют на ответственность органов общества перед акционерами и обществом, т. е. правление и распорядительный директор должны действовать в рамках определенной уставом сферы деятельности акционерного общества. Эти органы отвечают за возможный ущерб, например за недополученную прибыль, перед обществом и акционерами [4, с. 43].

Вместе с тем ст. 48, 66, 96 ГК, а также п. 1 ст. 2 ФЗ «Об акционерных обществах» употребляют термин «признаются», а не «являются». Тем самым, чтобы организация стала субъектом права, она должна быть признана таковой. Следовательно, конституционным признаком, отличающим юридическое лицо от лица физического, служит признание правопорядком организации в качестве юридического лица. По смыслу вышеуказанных норм, которым корреспондируют ст. 51, 63 ГК, ст. 2, 13, 24 ФЗ «Об акционерных обществах», признание правопорядком организации в качестве юридического лица происходит путем её государственной регистрации.

Не следует в полной мере согласиться с тем, что юридическое лицо как субъект гражданского права по сути представляет собой не что иное, как особый способ организации хозяйственной деятельности, заключающийся в обособлении, персонификации имущества, т. е. в наделении законом обособленного имущества качеством «персоны», признанием его особым, самостоятельным товаровладельцем. Обособление имущества выступает как цель создания акционерного общества. Посредством акционерного общества его участники устанавливают

определенный способ управления обособленным имуществом, поскольку иные способы либо невозможны, либо неэффективны. Без имущества определенной стоимости акционерное общество не вправе существовать. Вместе с тем само по себе акционерное общество как субъект права не может быть имуществом; с помощью права имуществу не придается соответствующая форма и юридический статус. Ответ на вопрос, для чего создается юридическое лицо, не может подменить собой ответ на вопрос, что такое юридическое лицо.

В таких условиях основное различие между фикционными и реалистическими теориями заключается в том, обладает ли юридическое лицо материальным критерием или не обладает. В результате необходимо ответить на следующий вопрос, имеется ли у юридического лица как субъекта права субстрат в виде имущества и (или) живых людей, образующих данное лицо, либо это имущество и живые люди находятся «вовне» юридического лица, хотя бы люди и принимали участие в управлении его имуществом [10, с. 62].

Правильное объяснение сущности юридического лица как субъекта права, в частности и акционерного общества, дает теория фикции. Появление института юридического лица (корпорации) было вызвано усложнением хозяйственной жизни, в том числе потребностями в обособлении имущества, объединении в союз значительного числа участников и их смены без прекращения самого союза, а также представлении данной группы индивидов вовне. Достижение названных целей стало возможным путем признания корпорации субъектом, не сводящимся к простой совокупности его членов.

Хотя юридическое лицо (корпорация) не может рассматриваться как союз граждан. Правоотношение может быть только между самостоятельными целыми, но не между целыми и частью. Если юридическое лицо (корпорация) — это союз, то отношения между членами союза и самой корпорацией логически невозможны. Тем самым создается тупик, преодолеть который возможно, если рассматривать юридическое лицо в качестве идеального субъекта, не имеющего материальных частей. Таким образом, понятие субстрата должно быть выведено за рамки юридического лица как субъекта права.

В таких условиях акционерное общество следует рассматривать в качестве идеального субъекта, не состоящего из материальных частей, созданным для достижения экономических целей.

Литература:

1. Алпатов А. А. О соотношении права и экономики // Государство и право. 2012. № 1. С. 67–76.
2. Ван Хорн Дж. К. Основы управления финансами: Пер. с англ. М., 1996.
3. Кириллова Е. Н. Корпорации раннего Нового времени: ремесленники и торговцы Реймса в XVI–XVIII веках. М., 2007.
4. Лехтинен Л. Права товариществ и акционерных обществ в России и Финляндии (Сравнительно-правовые аспекты) // Государство и право. 1996. № 3. С. 38–45.
5. Май В. И. К понятию и признакам акционерного общества // Государство и право. 1996. № 11. С. 19–22.
6. Сакс Дж. Рыночная экономика и Россия: Пер. с англ. М., 1995.
7. Суханов Е. Понятие и виды корпораций в зарубежном и российском праве // Хозяйство и право. 2013. № 11. С. 3–23.

8. Финансы капитализма: учебник / Б. Г. Болдырев, Л. П. Окунева, Л. П. Павлова и др.; под ред. Б. Г. Болдырева. М., 1990.
9. Функ Я. И., Михальченко В. А., Хвалей В. В. Акционерное общество: история и теория (Диалектика свободы). Мн., 1999.
10. Цепов Г. В. Акционерное общество: теория и практика: учеб. пособие. М., 2010.
11. Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права: учебник для вузов. М., 2016.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Новеллы доверительного управления наследственным имуществом

Семенкова Валентина Михайловна, магистрант

«Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова» (г. Архангельск)

В статье рассматриваются некоторые изменения в статью 1173 Гражданского кодекса Российской Федерации «Доверительное управление наследственным имуществом», внесенные Федеральным законом от 29.07.2017 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации».

Ключевые слова: доверительное управление, доверительный управляющий, наследственное имущество, нотариус, наследник.

Конституцией Российской Федерации в ч. 4 ст. 35 закреплена гарантия положения о том, что право наследования гарантируется. Этому способствует значительное количество норм наследственного права, в частности, процедура принятия и оформления наследства достаточно полно и четко урегулирована действующим законодательством. Однако, вступление в права наследования возможно по истечении определенного законом срока, в то время как в составе наследства может оказаться имущество, требующее немедленного управления (предприятие, доля в уставном (складочном) капитале хозяйственного товарищества или общества, ценные бумаги, исключительные права и тому подобное). Защитить права наследников, а именно, сохранить имущество наследодателя и обеспечить его охрану призван институт доверительного управления наследственным имуществом.

Заключение договора доверительного управления является нотариальным действием. К нотариусу обращаются с заявлением один или несколько наследников, исполнитель завещания, орган местного самоуправления, орган опеки и попечительства или другие лица, действующие в интересах сохранения наследственного имущества. Кроме того, согласно ст. 64 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» (далее — Основы) нотариус по месту открытия наследства может принять меры к охране наследственного имущества, когда это необходимо в интересах наследников, отказополучателей, кредиторов или государства по своей инициативе.

Согласно ст. 1173 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) нотариус в качестве учредителя доверительного управления наследственным имуществом заключает договор доверительного управления таким имуществом. Доверительное управление наследственным имуществом осуществляется по правилам,

предусмотренным главой 53 ГК РФ для договора доверительного управления.

Согласно ч. 1 ст. 1012 ГК РФ по договору доверительного управления имуществом одна сторона (учредитель управления) передает другой стороне (доверительному управляющему) на определенный срок имущество в доверительное управление, а другая сторона обязуется осуществлять управление этим имуществом в интересах учредителя управления или указанного им лица (выгодоприобретателя).

В отношении договора доверительного управления наследственным имуществом законом сделано определенное исключение: круг лиц, которые могут быть назначены в качестве доверительного управляющего, неограничен. Доверительным управляющим может быть любой гражданин, обладающий дееспособностью в полном объеме, а также любая организация, как коммерческая, так и некоммерческая. Однако поскольку согласно п. 3 ст. 1015 ГК доверительный управляющий не может быть выгодоприобретателем по договору доверительного управления, нельзя назначить доверительным управляющим того наследника, который является выгодоприобретателем по договору. [6]

Управляющий наследственным имуществом наделяется правами владения, пользования и распоряжения, в том числе совершения сделок в отношениях с третьими лицами. Договор доверительного управления наследственным имуществом прекращается по основаниям, указанным в ст. 1024 ГК РФ.

Федеральным законом от 29.07.2017 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 259-ФЗ), который вступит в силу 01 сентября 2018 года статья 1173 ГК РФ излагается в новой редакции. Однако новеллы вызывают немало вопросов.

Пункт 2 указанной статьи в новой редакции гласит: «В случае, если наследование осуществляется по завещанию, в котором назначен исполнитель завещания, исполнитель завещания считается доверительным управляющим наследственным имуществом с момента выражения им согласия быть исполнителем завещания (статья 1134)». Однако, отношения по доверительному управлению имуществом возникают из договора, предусматривающего наличие учредителя доверительного управления имуществом, доверительного управляющего и выгодоприобретателя, если им не является сам учредитель доверительного управления. Завещание и согласие, о которых идет речь в пункте 2, являются односторонними сделками, налицо отступление от договорной конструкции. Также возникает вопрос о легитимации доверительного управляющего, не ясна процедура «выражения согласия».

Согласно пункту 3: «Доверительное управление наследственным имуществом осуществляется в целях сохранения этого имущества и увеличения его стоимости». Данное положение фактически вступает в противоречие с основной целью наследования, которая заключается в переходе имущества, а также прав и обязанностей наследодателя к наследникам, цель увеличения наследственного имущества при этом не ставится. В противном же случае к нотариусу — учредителю доверительного управления можно будет предъявить требование о возмещении упущенной выгоды.

Пункт 5 вышеуказанной статьи возлагает на нотариуса дополнительные обязанности по контролю за исполнением доверительным управляющим своих обязанностей не реже, чем один раз в два месяца. Согласно ст. 67 Основ «управляющий вправе получить от наследников вознаграждение, а также возмещение понесенных в процессе управления имуществом необходимых расходов», однако механизм такого возмещения действующим законодательством не урегулирован.

Шестым пунктом статьи 1173 ГК РФ в наследственное право вводится новая категория — «предполагаемый наследник». В случае, когда такой наследник перестанет быть предполагаемым, положение статьи 1015 ГК РФ, которое указывает, что доверительный управляющий не может быть выгодоприобретателем по договору доверительного управления имуществом, будет нарушено.

Пункт 8 устанавливает, что «договор доверительного управления наследственным имуществом может быть заключен на срок, не превышающий пяти лет». Учитывая, что цель доверительного управления наследственным имуществом состоит в его передаче по истечении установленного законом срока для принятия наследства, то данная норма выходит за рамки наследственных правоотношений.

На наш взгляд, внесенные Федеральным законом № 259-ФЗ в статью 1173 Гражданского кодекса Российской Федерации изменения являются достаточно спорными и, возможно, потребуют доработки.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ.
4. Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации».
5. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. Верховным Советом Российской Федерации 11.02.1993 № 4462-1).
6. Харитонов Ю. С. Некоторые особенности доверительного управления наследственным имуществом // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2013. — № 9. — С.50.

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Обеспечение единства правоприменительной практики при рассмотрении дел, связанных с суррогатным материнством

Евдокимова Елена Михайловна, магистрант

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

В статье рассматриваются проблемы, связанные с несовершенством правовой регламентации суррогатного материнства. Анализ судебной практики позволяет обнаружить отсутствие у правоприменительных органов единого подхода при рассмотрении аналогичных дел.

Ключевые слова: суррогатное материнство; договор о суррогатном материнстве; репродуктивные права человека; установление происхождения детей; судебная практика.

В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 15 мая 2012 г. № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона „Об актах гражданского состояния“» [1] затрагиваются проблемы, вызванные несовершенством правового регулирования суррогатного материнства.

По мнению судьи Конституционного Суда Российской Федерации С. Д. Князева, несоответствие вышеуказанных норм положениям Конституции Российской Федерации [2], определяющим основные аспекты социальной политики государства, создает препятствия в сбалансированном учете интересов ребенка, сторон договора, а также членов семьи суррогатной матери.

Неоднозначную ситуацию, в которой ущемляются права генетических родителей, отмечает и судья Конституционного Суда Российской Федерации Г. А. Гаджиев. Устанавливая императивную норму, в основе которой лежит подход, рассматривающий беременность и роды более значимыми фактами, нежели биологическое родство, законодателем не учитывается цель суррогатного материнства — лечение бесплодия, и, как следствие, передача ребенка бесплодной паре. Кроме того, указывается, что в случае квалификации договора о суррогатном материнстве в качестве договора возмездного оказания услуг ответственность, наступающая в результате его неисполнения или ненадлежащего исполнения суррогатной матерью, противоречит запрету на коммерциализацию тела человека и его частей, установленному Конвенцией о правах человека и биомедицине [3].

В пояснительной записке к законопроекту [4] о запрете суррогатного материнства, представленному в Государственную Думу Федерального Собрания

Российской Федерации в марте 2017 года, отражены отрицательные аспекты данного метода вспомогательных репродуктивных технологий. По мнению автора законопроекта, отсутствие надлежащего правового регулирования способствует злоупотреблению как со стороны суррогатной матери, так и потенциальных родителей, а коммерческий интерес посреднических центров становится причиной развития «репродуктивного туризма».

В соответствии с анализом результатов статистических данных по лечению бесплодия методом суррогатного материнства, проведенным благотворительным фондом содействия реализации репродуктивных прав «Формула Рождения» [5], в первую очередь бесплодные пары прибегают к традиционным методам лечения. Если данные методы оказываются безрезультатными, то они обращаются к экстракорпоральному оплодотворению. И только после нескольких неудачных попыток экстракорпорального оплодотворения супруги используют крайние методы лечения: донация генетического материала и суррогатное материнство. Таким образом, выступая с инициативой о запрете суррогатного материнства, законодатель может лишить бесплодные пары последнего шанса иметь собственного ребенка.

Анализ судебной практики позволяет обнаружить ситуации, когда потенциальные родители вынуждены обращаться к услугам суррогатной матери.

Так, в марте 2011 года Смольнинским районным судом города Санкт-Петербурга было рассмотрено исковое заявление Аршанской Т. Г. к СПб ГУЗ «Родильный» о взыскании компенсации морального вреда, расходов на восстановление здоровья, захоронение ребенка и по оплате услуг суррогатной матери. Данные требования были обоснованы тем, что при поступлении Аршанской Т. Г. в родильное отделение врачи проигнорировали рекомендации специалистов женской консультации, в результате чего умер новорожденный жизнеспособный ребенок,

а истец утратила детородную функцию без возможности ее восстановления. Суд удовлетворил требования частично. Во взыскании расходов на восстановление здоровья и на услуги суррогатной матери было отказано, поскольку истец не представила необходимые доказательства [6].

В 2015 году Ачинский городской суд Красноярского края рассмотрел требование С. к КГБУЗ «Ачинская межрайонная больница № 1» о возмещении материального ущерба. Вследствие некачественной медицинской помощи, оказанной сотрудниками больницы, истцу был причинен вред здоровью, который привел к смерти новорожденного ребенка и потере детородной функции С. Эти обстоятельства явились основанием для предъявления иска о возмещении расходов на лечение бесплодия, в частности, оплату услуг суррогатной матери. Судом было вынесено решение в пользу истца, так как установлено, что непосредственно виновные действия ответчика, повлекшие вред здоровью, явились причиной, по которой С. обратилась к услугам суррогатной матери, а расходы подтверждены надлежащим образом оформленными документами [7].

Неадекватное оказание медицинских услуг, в результате которого женщина теряет детородную функцию, является распространенной причиной, по которой потенциальные родители обращаются за помощью к суррогатной матери [8]. Суды удовлетворяют требования, связанные с возмещением расходов по оплате услуг суррогатной матери, при наличии следующих обстоятельств: установление причинно-следственной связи между причинением вреда здоровью сотрудниками медицинской организации и утратой детородной функции; а также при предоставлении доказательств, подтверждающих понесенные расходы.

Несмотря на то, что суррогатное материнство помогает реализовать репродуктивные права человека, на сегодняшний день в этой области существуют недостатки в правовом регулировании, в связи с чем сложно обеспечить единство правоприменительной практики.

Одним из пробелов в законодательстве является неурегулированность вопроса выдачи послеродового листка нетрудоспособности биологической матери ребенка, рожденного суррогатной матерью.

В июле 2014 года в Прикубанский районный суд города Краснодара обратилась Г. с заявлением об обязанности ГБУЗ «Детская краевая клиническая больница» Министерства здравоохранения Краснодарского края выдать листок нетрудоспособности сроком до 110 календарных дней в связи с рождением детей. Несмотря на то, что истец является биологической матерью детей, рожденных при помощи суррогатной матери, сотрудниками больницы в выдаче листка нетрудоспособности на послеродовой период ей было отказано на том основании, что в действующем законодательстве это не предусматривается. Судом требование Г. было удовлетворено, а отказ в выдаче листка нетрудоспособности был признан незаконным, поскольку нарушал конституционные права на охрану здоровья и конфиденциальность личной информации [9].

В марте 2015 года Верховным судом Республики Татарстан была рассмотрена апелляционная жалоба Ч.Л. на решение суда первой инстанции, который отказал ей в удовлетворении исковых требований о признании незаконным отказа в выдаче послеродового листка нетрудоспособности и обязанности его выдать. Ч.Л. ссылалась на необходимость применения права по аналогии, поскольку действующее законодательство предусматривает право женщины, усыновившей ребенка в возрасте до 3-х месяцев, на получение такого документа. Апелляционная инстанция оставила решение без изменения, поскольку правовое регулирование предусматривает обязанность медицинского учреждения выдать листок нетрудоспособности только беременным и родившим или женщинам, усыновившим ребенка в возрасте до 3-х месяцев. Суд отметил, что суррогатное материнство завершается рождением ребенка суррогатной матерью и регистрацией его генетических родителей в органах записи актов гражданского состояния в качестве родителей ребенка на основании медицинских документов и согласия женщины, родившей ребенка, а вопрос об усыновлении ребенка его генетическими родителями не решается [10].

Представляется, что положение, в котором тайна усыновления рассматривается как основание предоставления листка нетрудоспособности усыновителям генетически чужого им ребенка, ущемляет права генетических родителей ребенка, рожденного с применением метода суррогатного материнства. Конституция РФ предоставляет каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а одним из основных начал семейного законодательства является приоритетная защита прав и интересов несовершеннолетних членов семьи. Законодателю необходимо закрепить тайну суррогатного материнства, а, следовательно, и право женщины, ставшей матерью в результате обращения к суррогатному материнству, на отпуск по беременности и родам, как гарантию сохранения данной тайны.

Ранее действовавший Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 26 февраля 2003 г. № 67 «О применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в терапии женского и мужского бесплодия» [11] предоставлял право воспользоваться услугами суррогатной матери только супружеской паре. В дальнейшем, с принятием Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [12], круг субъектов, наделенных данным правом, расширился. На сегодняшний день принять участие в программе суррогатного материнства могут также пары, не состоящие в браке, и одинокие женщины. Перечень субъектов был расширен, но, Семейный кодекс Российской Федерации [13] до сих пор не содержит норм, регулирующих порядок регистрации рождения ребенка, выношенного суррогатной матерью в результате имплантации эмбрионов, принадлежащих одинокой женщине, или с использованием для оплодотворения половых клеток пары, не состоящей в браке. По этой причине на практике потенциальные родители сталкиваются с отказом органов ЗАГСа в регистрации детей. И только после обращения в суд,

который применяет аналогию права, истцам удается защитить собственные интересы.

Д. И. БА. обратилась в Туапсинский городской суд с административным иском заявлением к Отделу ЗАГСа Туапсинского района об оспаривании действий органа государственной власти местного самоуправления. После рождения ребенка при помощи услуг суррогатной матери, истцу сотрудниками ЗАГСа было отказано в регистрации рождения ребенка. Отказ был мотивирован тем, что п. 5 ст. 16 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» [14], а также п. 4 ст. 51 СК РФ регламентирует порядок регистрации детей, рожденных с применением суррогатного материнства, только по заявлению лиц, состоящих в браке. Суд обязал Отдел ЗАГСа произвести государственную регистрацию рождения ребенка и выдать свидетельство о рождении, указав истца в качестве матери. По мнению суда, отказ сотрудников ЗАГСа не отвечал интересам ребенка, в частности, на воспитание в семье, получение гражданства и квалифицированной медицинской помощи [15].

В 2017 году генетическими родителями ребенка, рожденного суррогатной матерью, было подано исковое заявление об обязанности Черемушкинского отдела ЗАГС произвести регистрацию рождения ребенка, в которой истцам было отказано, поскольку они не состоят в зарегистрированном браке. Удовлетворяя иск, Черемушкинский районный суд города Москвы указал, что ст. 51 СК РФ определяет только основания для выдачи свидетельства о рождении, а «происхождение детей от конкретных родителей является основанием для возникновения правовых отношений между родителями и детьми независимо от того, состоят ли родители в браке или нет, проживают ли они совместно или раздельно» [16].

Из легального определения суррогатного материнства следует, что законодатель не предоставил право на применение данного вида вспомогательной репродуктивной технологии одинокому мужчине.

В марте 2011 года Смольнинским районным судом г. Санкт-Петербурга было рассмотрено требование мужчины, ставшего отцом двойни в результате обращения к услугам суррогатной матери, о признании незаконным отказ органов ЗАГСа в регистрации рождении детей. Удовлетворяя требования истца, суд отметил, что в законодательстве отсутствует прямой запрет на регистрацию рождения детей, появившихся в результате программы суррогатного материнства, участником которой выступает одинокий мужчина [17].

В июле 2015 года Первомайский районный суд г. Новосибирска, отказывая в удовлетворении искового заявления Васькина Г.Н. о признании незаконным отказа ООО «Новосибирский центр репродуктивной медицины» в предоставлении ему медицинских услуг с применением суррогатного материнства, мотивировал свое решение следующим образом: легальное определение суррогатного материнства не причисляет одинокого мужчину к перечню субъектов, которые могут воспользоваться данным методом репродуктивных технологий. Новосибирский областной суд оставил решение первой

инстанции без изменения, поскольку ч. 9 и 10 ст. 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» были рассмотрены им в качестве ограничений права на суррогатное материнство [18].

Приведенные выше примеры иллюстрируют отсутствие в правоприменительной практике единого подхода к вопросу участия одинокого мужчины в качестве потенциального родителя по договору суррогатного материнства. Законодателю необходимо закрепить право одинокого мужчины на участие в программе суррогатного материнства, в противном случае речь будет идти о нарушении принципа гендерного равенства, провозглашенного ч. 3 ст. 19 Конституции РФ.

Отказ в заключении договора о суррогатном материнстве, а также препятствия, возникающие при регистрации детей, рожденных с применением этого метода репродуктивных технологий, не единственные проблемы, с которыми сталкиваются одинокие мужчины.

Так, в марте 2014 года Химкинский городской суд Московской области рассмотрел исковое заявление Н.А. А. к ГУ — Главному Управлению ПФ РФ по г. Москве и Московской области о признании права на получение государственного сертификата на материнский (семейный) капитал. Дети истца были рождены в результате обращения к услугам суррогатной матери, в связи с чем в свидетельствах о рождении отсутствовали сведения о матери. Главным Управлением ПФ РФ был вынесен отказ в выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал, поскольку Федеральный закон от 29 декабря 2016 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [19] не предоставляет одиноким отцам-участникам программ суррогатного материнства права на его получение. Признавая за истцом право на получение государственного сертификата, суд обратил внимание на то, что целью предоставления материнского капитала является не только компенсация трудностей матери, связанных с рождением ребенка, но и поддержка детей и семьи в целом. Отказ Главного Управления ПФ РФ был расценен судом как дискриминация Н.А. А. на том основании, что он является одиноким отцом [20].

Следовательно, необходимо устранить пробел, связанный с получением сертификата для целей воспитания детей, рожденных с помощью суррогатного материнства, чтобы обеспечить равенство прав семей, а также не допустить нарушения принципа гендерного равенства.

Анализ представленных примеров позволяет сделать вывод о том, что в настоящий момент судебным и исполнительным органам затруднительно обеспечивать единство правоприменительной практики при рассмотрении дел, связанных с применением метода суррогатного материнства. Законодателю сложно реагировать на быстро развивающиеся общественные отношения, более того, предусмотреть весь спектр жизненных ситуаций в правовом поле невозможно. Однако те проблемы, с которыми сталкиваются участники процедуры суррогатного материнства на протяжении последних лет, уже нельзя оставлять без внимания ввиду их значительной распространенности.

Литература:

1. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 мая 2012 г. № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния». Документ официально не опубликован // СПС «КонсультантПлюс».
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
3. Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины (Конвенция о правах человека и биомедицине) (ETS No 164) (Заключена в г. Овьедо 4 апреля 1997 г.). Документ официально не опубликован // СПС «КонсультантПлюс».
4. Проект Федерального закона № 133590–7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части запрета суррогатного материнства». Документ официально не опубликован // URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/133590-7> (дата обращения: 10.09.2017).
5. Суррогатное материнство в России: анализ статистики за 5 лет // СВИТЧАЙЛД. URL: <https://www.sweetchild.ru/press/novosti-kompanii/surrogatnoe-materinstvo-v-rossii-analiz-statistiki-za-5-let> (дата обращения: 10.09.2017).
6. Решение Смольнинского районного суда города Санкт-Петербурга от 10 марта 2011 г. по делу № 2–85/2011. Документ официально не опубликован // СПС «КонсультантПлюс».
7. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 22 апреля 2015 г. по делу № 33–4047/2015. Документ официально не опубликован // СПС «КонсультантПлюс».
8. Решение Кировского районного суда города Саратова от 11 октября 2016 г. по делу № 2–6078/2016. Документ официально не опубликован // СПС «КонсультантПлюс»; Решение Орджоникидзевогo районного суда города Уфы от 4 октября 2017 г. по делу № 2–1728/2017. Документ официально не опубликован // СПС «КонсультантПлюс».
9. Решение Прикубанского районного суда города Краснодара от 3 июля 2014 г. по делу № 2–5262/2014. Документ официально не опубликован // СПС «КонсультантПлюс».
10. Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 12 марта 2015 г. по делу № 33–3506/2015. Документ официально не опубликован // СПС «КонсультантПлюс».
11. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 26 февраля 2003 г. № 67 «О применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в терапии женского и мужского бесплодия». Утратил силу // Российская газета. 2003. № 84.
12. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
13. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
14. Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.
15. Решение Туапсинского городского суда Краснодарского края от 24 ноября 2016 г. по делу № 2а-1633/16. Документ официально не опубликован // СПС «КонсультантПлюс».
16. Решение Черемушкинского районного суда города Москвы от 10 марта 2017 г. по делу № 2–19878/2017. Документ официально не опубликован // СПС «КонсультантПлюс».
17. Решение Смольнинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 4 марта 2011 г. № 2–1601/11. Документ официально не опубликован. Приводится по: Свитнев Н. К. Суррогатное материнство: проблемы правового регулирования и правоприменения // Правовые вопросы в здравоохранении. 2011. № 9. С. 56–57.
18. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 3 декабря 2015 г. № 33–10392/2015. Документ официально не опубликован // СПС «КонсультантПлюс».
19. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 19.
20. Апелляционное определение Московского областного суда от 29 сентября 2014 г. № 33–21541/2014. Документ официально не опубликован // СПС «КонсультантПлюс».

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Отдельные аспекты применения полиграфа в уголовном процессе

Курочкин Илья Александрович, студент
Ивановский государственный университет

В наши дни полиграф успешно используется сотрудниками органов правопорядка в борьбе с преступностью. Он применяется во многих странах мира. В основном результаты полиграфных проверок носят вспомогательный характер.

Полиграф относится к так называемым нетрадиционным методам получения значимой информации. Полиграф в переводе с греческого языка означает «множество записей». Полиграфное устройство (еще называют «детектор лжи») представляет собой многоцелевой прибор, предназначенный для одновременной регистрации нескольких физиологических процессов, связанных с возникновением эмоций: дыхания, кровяного давления, биотоков (мозга, сердца, скелетной и гладкой мускулатуры и т. п.).

С помощью полиграфа при постановке некоторых вопросов можно установить у субъекта преступления знаний, которые тот хочет скрыть.

С момента применения полиграфа в качестве инструмента, борьбы с преступностью, возникла проблема законности его применения, У противников использования полиграфа в уголовном процессе в качестве аргументов выдвигались следующие проблемы:

- нарушает ли проверка на полиграфе право человека на тайну.
- можно ли использовать результаты полиграфных проверок в суде.
- не ведет ли к уничтожению личности процесс тестирования.

Юридическую предпосылку для проведения полиграфных проверок дает статья 6 Федерального Закона «Об оперативно- розыскной деятельности» [1], которая разрешает «... в ходе проведения оперативно- розыскных мероприятий использовать... кино- и фотосъемку, а также другие технические средства, не наносящие ущерб жизни и здоровью людей и не причиняющие вред окружающей среде». Под определение «... и другие технические средства» можно подвести и полиграф.

Полиграф как доказательство в уголовном процессе трактоваться не может, т. к. судье не представляют результаты прохождения методики, а только мнение эксперта, основанное на диагностике психофизиологического состояния клиента.

В статье 74 УПК РФ [2] указан перечень доказательств, которые могут быть использованы для подтверждения обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве доказательств допускаются:

- 1) показания подозреваемого, обвиняемого;
- 2) показания потерпевшего, свидетеля;
- 3) заключение и показания эксперта;
 - а) заключение и показания специалиста;
- 4) вещественные доказательства;
- 5) протоколы следственных и судебных действий;
- 6) иные документы.

Таким образом, положения УПК РФ не предусматривают прямой возможности применения полиграфа в уголовном процессе.

Обязательное освидетельствование на полиграфе запрещено действующим в Российской Федерации законодательством. Недопущение использования результатов полиграфа в качестве доказательств можно найти в Кассационном определении ВС РФ от 11 сентября 2012 г. № 41-О12—57СП в котором, сказано, что «уголовно-процессуальный кодекс РФ не предусматривает законодательной возможности применения полиграфа в уголовном процессе. Данный вид экспертиз является результатом опроса с применением полиграфа, регистрирующего психофизиологические реакции на какой-либо вопрос, и ее заключение не может рассматриваться в качестве надлежащего доказательства, соответствующего требованиям ст. 74 УПК РФ. Данные использования полиграфа при проверке достоверности показаний подсудимых не являются доказательством. Подсудимые непосредственно были допрошены в судебном заседании, и оценка их показаний относится к компетенции присяжных заседателей, а не эксперта». [3]

В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации «детектор лжи» относится к специальным техническим средствам для негласного получения информации (например, прослушивание телефонных переговоров) и его применение строго регламентировано. Для проведения тестирования гражданин должен дать письменное согласие установленного образца.

В качестве минусов полиграфных исследований можно отметить следующие:

1. Результаты применения полиграфа не имеют доказательственного значения и используются следователем лишь как ориентирующая информация; доказательствами признаются лишь фактические данные, содержащиеся в показаниях допрашиваемого.

2. Полиграфное исследование не дает 100% результат достоверности.

3. Применение полиграфа допускается только с добровольного согласия допрашиваемого.

4. Имеются медицинские ограничения при проведении исследования граждан с помощью полиграфа. В частности, исключается возможность проведения полиграфной проверки при шоковом и предшоковом состоянии, острых психозах, эпилепсии, шизофрении. Существует группа заболеваний и состояний, при которой резко снижается возможность получения

значимых результатов. Проверка в таком случае на полиграфе, может быть нецелесообразной. В частности, детей в возрасте до 12 лет, беременных женщин во 2-й половине беременности, граждан, страдающие некоторыми хроническими заболеваниями (гипертонией или сердечной недостаточностью), граждан, с ампутацией конечностей, граждан, находящихся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, под воздействием психотропных препаратов, а также в период абстиненции.

В настоящее время метод использования полиграфа вошел в список допущенных отечественным законодательством к собиранию, раскрытию и расследованию преступлений, но отсутствие специальных законодательных актов, допускающих признание его результатов в качестве доказательной базы в уголовном процессе не позволяет его использовать в полном объеме, а использовать только в получении ориентирующей информации.

Литература:

1. Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-розыскной деятельности», [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-12081995-n-144-fz-ob/>, свободный- (21.02.18).
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 31.12.2017), [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://legalacts.ru/kodeks/UPK-RF/>, свободный- (21.02.18).
3. Решение Верховного суда: Определение N 41-О12–57СП от 11.09.2012 Судебная коллегия по уголовным делам, кассация, [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.zakonrf.info/suddoc/928a0cc9cb327f740733104e75ab9753/>, свободный- (21.02.18).

Изменения уголовно-процессуального законодательства на постсоветском пространстве: вестернизация или модернизация права?

Миненко Кирилл Сергеевич, студент;

Воронцова Надежда Владимировна, студент;

Научный руководитель: Глобенко Оксана Александровна, кандидат юридических наук, зав. кафедрой Московский технологический университет

Стремление к демократизации уголовно-процессуальной доктрины, ужесточению в концепции судебной реформы гарантий допустимости доказательств, состязательности процесса, изменению самой модели процесса наряду с фундаментальными тенденциями построения правового государства привели к масштабной рецепции зарубежных уголовно-процессуальных институтов. Как таковая, рецепция — один из наиболее востребованных способов новеллизации права, однако, требующий детального анализа специфики «донорской правовой системы» и системы, воспринимающей реципированный институт. Рецепция может как восполнить проблемы и улучшить качество законодательства, так и остаться чужеродным элементом нарушающий системность и принципы. Начиная с конца 1980-х годов, шёл процесс фундаментального отказа от концепции преимущественного публицистического характера советского

права, внедрения институтов частного права на территории всего социалистического государства [5, с. 182].

Длительное время республики, входящие в состав СССР, развивались в едином фарватере. Советское уголовно-процессуальное право в 60–70-е года 20 в. совершило значительный рывок в исследовании правой природы, структуры, свойств доказательств. Однако, на постсоветском пространстве актуальность приобрел такой вопрос как состязательная модель уголовного процесса. С 1995 г. (момента окончания серии научных семинаров в Сиракузах) обозначилась ещё одна тенденция уголовно-процессуального права: ускорение за счёт сокращения, также появился институт «сделки с наказанием». Усложнение уголовно-процессуальных отношений привело к появлению множества коллизионных и проблемных моментов, которые породили ряд новых доктрин, в частности, асимметрию доказывания и др. Происходит

возрождение таких правовых институтов как суд присяжных, мировая юстиция, следственный судья, апробированных многолетней практикой в России и имеющих богатую практику, в том числе, в современном процессе странах континентальной Европы и Англии.

По мнению зарубежных исследователей, большинство институтов участвовало в циркуляции зарубежных моделей права [1, с. 1087]. При создании «фундамента» и «базы» новых национально-правовых систем, к сожалению, учитывалась не столько философско-правовая доктрина и историческое развитие каждого отдельного государства, сколько политические воззрения и представления руководства существующих режимов, а именно — политических и правовых элит о должном «прогрессивном» и «регрессивном» движении права и государства. В достаточной мере не были учтены, наряду с социальными и политическими, также изменения ноосферы (новые концептуальные модели взаимосвязей человека и природы) [7, с. 4].

С момента создания независимых государств прошло 27 лет. Сейчас перед многими юристами возникает ряд вопросов: «Удалось ли существующим независимым государствам создать собственные правовые системы? Или до сих пор они представляют лишь разновидность национально-правовой культуры России или копию национально-правовых систем Европы? Возможно ли говорить о чрезмерной рецепции правовых моделей Запада в качестве определяющих?» Для ответа на данные вопросы, авторы данной статьи проводят сравнительно-правовой анализ изменений в области уголовного-процессуального законодательства в отдельных постсоциалистических странах. Для обобщения процессов насильственного (на наш взгляд) внедрения и заимствования правовых институтов постсоветскими государствами в данной статье будет введено понятие «вестернизация» как феномен существующего глобализирующегося мира.

Вестернизация как чрезмерное и неоправданное внедрение в правовую систему принципов и ценностей Западного мира [2] (как Европы, так и США, Канады), при одновременном сокращении собственной правовой и государственной национальной идентичности, подвергается анализу с целью определить критерии допустимости данного процесса, необходимые условию её осуществления, позволяющие новеллизировать национальную систему (в ряде случаев — уничтожить).

Мы можем с большой долей уверенности констатировать, что действующий уголовный процесс сформировался не только на осколках уголовного-процессуального права СССР, его последующее реформирование часто было бессистемным, без учёта мнения отечественных юристов.

Решение вопроса о развитии собственного уголовного-процессуального законодательства проходило в каждой бывшей советской республике по-разному. Уровень развития правовой доктрины, географическое положение, уровень взаимодействия с Россией и странами Запада, международная обстановка — факторы, определяющие критерии решения данного вопроса.

Постсоветские государства условно можно разделить на определенные группы при реформировании прежней уголовно-процессуальной системы. Авторы данной работы в качестве критерия разделения стран на группы используют собственный научный подход, основанный на анализе глубины процессов вестернизации права и противоположному ему процесса сохранения уголовно-процессуальных традиций.

В первую группу можно объединить такие страны, где демонтаж советского уголовно-процессуального права полностью завершился, благодаря перманентно сменяющим друг друга реформам. Принятые новые УПК соответствовали требованиям Совета Европы, ОБСЕ, позициям юристов США и Канады. Однако наряду с отказом от уголовно-процессуальных рудиментов советской эпохи из уголовно-процессуального права были удалены апробированные и доктринально обоснованные процессуальные институты, составлявшие основу системности уголовного процесса (принцип достижения объективной истины, чёткие критерии допустимости доказательства, соотносимые с национально-правовой системы и др.). Наиболее проблемна (по последствиям) рецепция институтов стран семьи общего права, поскольку само понимание глубины элементов системы доказывания рознится с континентально-правовой идеологией. К странам, где уголовный процесс претерпел максимальную вестернизацию, можно отнести: Эстонию, Латвию, Литву, Молдавию, Грузию, Армению. Так, принятый в 2009, новый УПК Грузии содержит уголовно-процессуальные институты, не свойственные континентальному праву (сделки о признании; прокурорская дискреция при осуществлении уголовного преследования; отказ от стадии возбуждения уголовного дела; введение американского «судьи-магистрата») [6, с. 197]. Как видим, в Грузии происходит вестернизация с американским уклоном, когда процесс компилирования приобретает широчайшие масштабы, а введение германских или французских институтов практически минимизировано.

Германский вектор вестернизации полностью проявил себя в Прибалтийских странах. Например, в Эстонии отсутствует стадия возбуждения уголовного дела, сохраняется функция прокурора как главного «надзирателя за следствием», наблюдается отказ от надзора как самостоятельной стадии уголовного процесса, а также происходит введение специальной должности «следственного судьи», которая искажает германский вариант данной уголовно-процессуальной «ткани». Вместе с тем реформаторы не учли специфику уголовно-процессуальной доктрины Германии, например, обвинительной функции судьи в уголовном процессе. Вместе с тем, глобальные взгляды на уголовно-процессуальную доктрину Германии показывают логичность и структурность всех институтов, в то время как их случайная рецепция приводит к искажению их смысла и сущности.

Уголовно-процессуальная эклектика в данных странах нередко создавала проблемы, когда чрезмерное рецепирование англо-американских, французских или германских моделей приводит к сбою действия отдельных институтов уголовно-процессуального права. Искусственная,

навязанная модель (как отрицательное проявление вестернизации) всегда является нежизнеспособной, а значит, в скором времени, мы сможем наблюдать очередную этап реформ в уголовно-процессуальном законодательстве данных стран.

Страны второй группы можно охарактеризовать как относительно стабильные, где процесс реформирования уголовно-процессуального законодательства происходит медленно с минимизацией вестернизации. К таковым относятся: Республика Беларусь, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан. Если стабильность первого государства связана с отсутствием членства в международных организациях и консервативностью действующей власти, то все остальные продолжают следовать советским традициям в силу своего географического положения. Действующее уголовно-процессуальное законодательство в данных странах основывается на Модельном кодексе УПК для стран СНГ. Происходит отказ от внедрения «чужеродных» институтов уголовного процесса, не свойственных ни правовой природе, ни историческому генезису. Советская уголовно-процессуальная инфраструктура сохраняет себя в некотором видоизменённом облике, законодатели отказались от имплементации американской и европейской моделей уголовного процесса.

Рецепция, тем не менее, происходит, но она продуктивно следует в ключе универсальных уголовно-процессуальных тенденций, например, ускорение судопроизводства, учитывает основные доктринальные ценности и специфику национальной уголовно-процессуальной системы. Присутствуют незначительные системные сбои, корректируемые актами официального толкования судебной практики.

Третья группа стран занимает промежуточное положение (Украина, Азербайджан, Казахстан, Киргизия). С одной стороны, произошёл отказ от прежней уголовно-процессуальной политики советской эпохи, с другой стороны, процесс вестернизации происходит не так активно, как у первой группы. Так, к традиционным нововведениям можно отнести следующие: отказ от стадии возбуждения уголовного дела; усиление процессуального контроля прокурора; слияние дознания и следствия [8, с. 89]; определение процессуальной формы суда присяжных. Принятие новых УПК происходило с явным вектором в сторону американской и европейской правовой культуры. Результатом такой непоследовательной вестернизации стало появление в ряде из указанных государств двух противоборствующих научных школ: Харьковской, отстаивающей традиционные уголовно-процессуальные ценности, и Киевской, защищающей политику максимальной вестернизации.

Украина, с принятием нового УПК в 2012 году, показала, что введение отдельных институтов оказывает положительное влияние на функционирование всей правоохранительной системы. Большой интерес, вызванный в обществе с принятием нового УПК, подтверждается тем, что комментированное издание к новому Закону вышло за пару месяцев до вступления его в силу, к работе над ним был привлечён большой круг специалистов. Качественная доктринальная и практическая

разработанность официального комментария помогла в кратчайшие сроки унифицировать применение нового УПК, минимизировать «разночтения» среди правоприменителей. Знаковым в новом УПК Украины является отказ от стадии возбуждения уголовного дела. Создание Единого реестра досудебного расследования как автоматизированной базы создания и хранения информации об уголовных правонарушениях — гарантия, когда производство следственных действий невозможно без внесения записи в единый реестр следователем, прокурором в течение 24 часов после подачи заявления (п.1. ст. 214 УПК Украины).

Увеличение количества заявлений об уголовных правонарушениях создало ещё большую загруженность следственных органов, но отмена вышеупомянутой стадии позволила в небольшой мере сократить формализованные процедуры следователей [4, с. 3] (например, действующим УПК не предусмотрено постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого). Введенный институт следственного судьи («слідчий суддя») — это квазиинститут и своеобразное подражание германскому типу следственных судей. Полномочия данного должностного лица размыты, совпадают с полномочиями основного суда (осуществление в порядке, предусмотренном УПК Украины, судебного контроля за соблюдением прав, свобод и интересов лиц в уголовном производстве — п.18.ст. 3). Происходит усиление функций прокурорского надзора [3, с. 2456], когда их процессуальный контроль над следственными органами усилился (п.1—5. ст. 36 УПК Украины). Отказ от отдельных оперативно-розыскных мероприятий и переименование их в негласные следственные действия был продиктован Советом Европы и ОБСЕ в качестве необходимой меры по стремлению Украины в Европу. Отныне, оперативные подразделения могут проводить отдельные негласные следственные действия только с прямого поручения следователя или прокурора без права собственной инициативы.

Эти и многие другие нововведения свидетельствуют об активной экспансии институтов уголовно-процессуального права Западной Европы в уголовный процесс Украины и другие постсоветские страны. Положительные и отрицательные результаты уже очевидны, и это заставляет многих законодателей задуматься о векторе развития права. Действительно ряд нововведений принесли положительный эффект, однако, как мы констатировали выше, грубый процесс вживления в национально-правовую ткань приводил к системным сбоям.

Постоянный антагонизм между сторонниками и противниками нововведений заставил законодателя найти компромисс и синтез между внедрением новых институтов при сохранении традиционных элементов, возникших ещё со времён Устава уголовного судопроизводства и советской системы уголовного процесса.

Подверженность воздействию западной уголовно-процессуальной доктрины, на наш взгляд, должна иметь разумный критерий ограничения. Реципирование с целью модернизации вполне оправдано. Масштабная вестернизация с подавлением системности форм национального процесса, на наш взгляд, способна в большой степени

навредить, поэтому, поэтапное внедрение институтов западного права, которые уже апробировали себя и показали свою состоятельность, необходимо при активном обсуждении с как практикующими работниками правоохранительных органов, так и ведущими учёными. А пока,

законодательное поведение постсоветских стран можно характеризовать такой формулой: быстрое, необдуманное внедрение институтов права Запада без достаточной готовности к этому национального уголовно-процессуального законодательства.

Литература:

1. Ajani G. La circulation de modeles juridiques, dans le droit post socialiste. Rid comp. 1995.
2. The Oxford Russian Dictionary. Russian-English/English-Russian. — Berkley Publishing Corporation. U. S., 1999.
3. Гловюк И. В. Некоторые вопросы уголовно-процессуальных функций по УПК Украины 2012 г. // Актуальные проблемы российского права № 11. — 2014. — С. 2452–2458.
4. Грошевой Ю. М., Каплина О. В. Новый этап развития уголовно-процессуального законодательства Украины // Уголовное судопроизводство. — № 1. — С. 2–6.
5. Давид Р., Жоффе-Спинози К. Основные правовые системы современности / Пер. с фр. В. А. Туманова. — М.: Междунар. Отношения, 2009. — 400 с.
6. Курс уголовного процесса / Под. Ред. Д.ю.н., проф. Л. В. Головки. — 2-е изд, испр. — М.: Статут. 2017. — 1278 с.
7. Мощелков Е. Н. Переходные процессы в России. М., 1996. — С. 315.
8. Попелюшко В. А. Штрихи к «портрету» нового уголовного процесса Украины // Евразийская адвокатура № 1. — 2012. — С. 89–97.

Объект незаконных организации и проведения азартных игр в теории и судебной практике

Тарасов Сергей Романович, магистрант

Научный руководитель: Плохова Валентина Ивановна, доктор юридических наук, профессор

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

На сегодняшний день далеко не все вопросы, возникающие по поводу объекта преступления, предусмотренного ст. 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее — УК РФ), трактуются в научной среде однозначно. При этом подавляющее большинство учёных, в разное время исследовавших незаконные организацию и проведение азартных игр, не подкрепляют свои суждения относительного объекта преступления материалами правоприменительной практики. Центральное место среди них занимают акты судов общей юрисдикции, поскольку именно в рамках уголовного судопроизводства устанавливаются обстоятельства совершённого преступления, и формулируются в том или ином виде определения элементов состава конкретного преступления.

Проведенный нами анализ судебной практики¹ позволил выявить, как трактуется объект состава преступления, предусмотренного ст. 171.2 Уголовного кодекса России, российскими судами и сравнить его с теорией уголовного права.

К определению объекта незаконных организации и проведения азартных игр существуют различные подходы. Ряд исследователей (Р. А. Севостьянов, Е. В. Просвирин) полагает, что общественно опасные

деяния, совершаемые в сфере игорного бизнеса, посягают в целом на общественные отношения в сфере общественной безопасности и общественного порядка, что рассматривается в качестве родового объекта. Видовым объектом, по их мнению, выступают общественные отношения в сфере охраны здоровья населения и общественной нравственности [2, с. 147].

О. М. Науменко разграничивает объект преступного посягательства в зависимости от формы объективной стороны преступления, представляя преступление, предусмотренное статьёй 171.2 УК России в качестве двуобъектного — с равнозначными основными непосредственными объектами преступного посягательства.

Так, по её мнению, непосредственным объектом незаконных организации и (или) проведения азартных игр без полученного в установленном порядке разрешения в игорной зоне предстают экономические отношения, содержанием которых является поддержание стабильного положения государственной финансовой системы за счет налогообложения и иных фискальных мероприятий.

Организация и (или) проведение азартных игр вне пределов игорных зон, а равно с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», средств связи, в том числе подвижной связи, в свою очередь, являются формой оказания услуг, причиняющих вред либо создающих угрозу причинения вреда общественным отношениям в сфере обеспечения

¹ Было изучено 10 приговоров, вынесенных судами на территории различных субъектов Российской Федерации за период с 2013 по 2017 гг. (тексты приговоров размещены на сайте ГАС «Правосудие»). ГАС «Правосудие» URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 10.01.2018).

безопасности психического благополучия (здоровья) населения.

Незаконные организация и (или) проведение азартных игр вне игорной зоны, а равно без полученного в установленном порядке разрешения в игорной зоне, посягают на дополнительный непосредственный объект — нравственные устои общества, утверждающие духовную, физическую и социальную ценность человеческого труда, рассматривающие такой труд единственным нравственным основанием его материального благополучия.

При этом О. М. Науменко подчёркивает, что установление ответственности за незаконные организацию и (или) проведение азартных игр вне пределов игорных зон наряду с осуществлением подобного рода действий без полученного в установленном порядке разрешения в игорной зоне в рамках одного состава преступления является законодательной неточностью, которая искажает понимание непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ [3, с. 78–79].

С критикой данного подхода (в частности, признания в качестве основного непосредственного объекта преступления здоровья населения) выступает О. А. Иванова, которая аргументирует свою позицию следующим образом. Незаконные организация и проведение азартных игр совершаются в процессе предпринимательской деятельности, вследствие чего посягают на предусмотренный законом порядок осуществления предпринимательства, а соответственно — на нормальное функционирование экономической деятельности. Таким образом, незаконные организация и проведение азартных игр — это преступление, имеющее так называемую экономическую мотивацию.

Реализуемый по специальным разрешениям игорный бизнес — это уже не те не поддающиеся контролю незаконные игорные заведения. Такое предпринимательство возведено в ранг закона, и осуществление его вопреки установленному порядку в первую очередь — посягательство на экономическую деятельность, а не здоровье населения или нормы нравственности.

С учётом данных положений О. А. Иванова предлагает основным непосредственным объектом преступления, совершенного вне пределов игорных зон, а равно с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», средств связи, в том числе подвижной связи считать общественную нравственность в сфере азартных игр [4, с. 98–101].

Довольно комплексно на проблему объекта взглянул А. А. Лихолетов. В качестве основного непосредственного

объекта им выделяются общественные отношения, складывающиеся в связи с организацией и проведением юридическими лицами азартных игр на территории России с соблюдением требований законодательства. В качестве дополнительного непосредственного объекта он признаёт отношения в сфере пополнения бюджета от поступления платежей в связи с прохождением процедуры регистрации юридического лица и получения разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне, а также налогов и иных платежей в связи с легальной деятельностью игорных заведений. Дополнительным объектом преступлений в сфере игорного бизнеса являются также здоровье населения и общественная нравственность [5, с. 17–18].

Что касается судебной практики, то в половине изученных нами приговоров объектом преступления признаётся установленный Федеральным законом от 29 декабря 2006 года № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [6] порядок проведения азартных игр на территории нашей страны. В таких приговорах делается ссылка на нарушение конкретных положений, в частности, ч. ч. 1, 2, 4 ст. 5 указанного закона (несоблюдение требований к организатору азартной игры, к игорному заведению, к размещению игорного заведения).

Только в одном из приговоров незаконные организация и проведение азартных игр обозначены как преступление, посягающее на принцип законности правоотношений в сфере экономической деятельности в Российской Федерации, установленные законодательством Российской Федерации определенные ограничения игорного бизнеса, направленные на защиту принципов нравственности, а также законных интересов граждан России [7].

В оставшейся части приговоров объект преступления не раскрывается. Суды называют только конкретные законные требования к организации и проведению азартных игр, которые не были соблюдены виновными лицами.

Таким образом, подходы к объекту преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ, существующие в научных кругах, согласуются с судебной практикой — правоприменитель выделяет аналогичный круг общественных отношений в качестве охраняемого указанными уголовно-правовыми нормами.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Севостьянов Р. А., Просвирин Е. В. Проблемы уголовно-правового регулирования организации и ведения незаконного игорного бизнеса. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 208 с.
3. Науменко О. М. Уголовная ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр: дис... канд. юрид. наук: 12.00.08 / О. М. Науменко. — М., 2016. — 219 с.
4. Иванова О. А. Уголовная ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр: дис. ... канд. юрид. наук. / О. А. Иванова. — Саратов, 2016. — 270 с.

5. Лихолетов А. А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия незаконному игорному бизнесу: автореф. дис... канд. юрид. наук наук: 12.00.08. — Саратов, 2013. — 27 с.
6. Федеральный закон от 29 дек. 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 27.11.2017) // СЗ РФ. 2007. № 1. Ст. 7.
7. Приговор № 1–270/2017 от 15 сентября 2017 г. Дзержинского районного суда города Волгограда [Электронный ресурс]. URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/showDocument.html?id=9111d69cc2127199dd38f895d89483e3&shard=Уголовные%20дела&fieldName=court_document_documenttext1_tag&from=p (дата обращения: 10.01.2017).

Проблемы, возникающие при расследовании получения взятки, и пути их решения

Харитоненко Марина Андреевна, магистрант

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск)

В современном российском обществе длительное время остаётся актуальной всеохватывающее явление коррупции. Оно влечёт недоверие людей по отношению к представителям власти, снижает уровень гражданской инициативы, порождает у людей чувство безысходности. Реализация гражданами своих прав и свобод, в частности, права на равенство перед законом и судом, невозможна, когда за незаконное вознаграждение должностные лица совершают деяния, влияющие на правовое положение граждан, предоставляют льготы и привилегии одной их части, тем самым ущемляя другую их часть. В связи с этим приобретает большое значение целенаправленное и грамотное осуществление следователями досудебного производства по делам о получении взятки (т. е. по признакам преступлений, предусмотренных ст. 290 Уголовного кодекса РФ [1]) как части огромного комплекса мероприятий по борьбе с взяточничеством и коррупцией.

Эффективность расследования получения взятки осложняется множеством факторов объективной действительности. Общеизвестен факт вуалирования предмета взятки под подарки, вручаемые по различным поводам, однако в настоящее время получает всё более широкое распространение более современный способ получения/дачи взятки — её передача при помощи платежных систем, в том числе применяемых в сети Интернет. Подробно данный вопрос рассмотрел И. М. Сперанский. Он указал на то, что современные технологии позволяют осуществить анонимный перевод денежных средств от одного лица другому, что значительно затрудняет раскрытие данного факта при помощи предоставленных уголовно-процессуальным законодательством возможностей. [2, с. 48] Много ошибок допускается и сотрудниками органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и учитывая, что в настоящее время по делам о получении взятки результаты задержания с поличным в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия многими правоприменителями воспринимаются как «царица доказательств» по данной категории дел, качественное осуществление

оперативно-розыскных мероприятий также приобретает большое значение.

Проблемой, с которой неизбежно сталкивается каждый следователь, расследующий получение взятки, является оказание противодействия или нежелание сотрудничать со следствием участников уголовного судопроизводства. После того, как «тем кто даёт и тем кто берет» становится известно о том, что правоохранительные органы осведомлены об их преступной деятельности, обе стороны пытаются направить расследование по неверному пути и оказывают противодействие досудебному производству в самых различных формах: дают заведомо ложные показания, не выдают своих соучастников, прибегают к фальсификации доказательств, подкупу, запугиванию свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Получившие взятку чиновники, пытаясь избежать ответственности, используют свои личные связи в государственных учреждениях. Другие должностные лица и подчинённые взяточника (по уголовному делу имеющие процессуальный статус свидетелей) не желают оказывать помощь следствию при осуществлении досудебного производства по уголовным делам исследуемой категории [3, с. 7]. Способствует решению данной проблемы осуществление допросов всех известных лиц, обладающих значимой для дела информацией, в кратчайшие сроки. Это же позволяет не допустить выработку всеми соучастниками единой «легенды» до момента допросов. С. П. Кушниренко дополнительно к этому указывает, что при первом же допросе каждого участника уголовного судопроизводства необходимо стараться выяснить все обстоятельства, которые необходимо установить по делам о получении взятки, и в первую очередь те, которые образуют предмет доказывания. Первоочередным является допрос заявителя. Поскольку от сведений, сообщенных заявителем, зависит организация всех последующих мероприятий, его допрос должен осуществляться непосредственно после возбуждения уголовного дела. Практика показывает, что даже заявители, добровольно обратившиеся в правоохранительные органы с сообщением о даче ими взятки или о имевшемся вымогательстве её предмета,

не всегда хорошо идут на контакт со следователем, либо пытаются утаить или представить в более «приглядном» с точки зрения заявителя свете отдельные обстоятельства. Поэтому перед проведением допроса обязательно необходимо установить психологический контакт с допрашиваемым лицом. С этой целью перед началом самого допроса возможно завязать краткую неформальную беседу, и только после этого перейти непосредственно к выяснению интересующих следствие обстоятельств. В общении в ходе проведения допроса следует избегать формализма, в т. ч. при разъяснении прав. И к каждому допрашиваемому лицу необходимо найти индивидуальный подход [4, с. 74].

Наиболее внимательно следует отнестись к допросу подозреваемого. Проблемы, возникающие при проведении данного следственного действия, в первую очередь, возникают, в связи с построением подозреваемым совместно с его защитником продуманной, хорошо проработанной версии защиты. При склонности подозреваемого к отказу от дачи показаний важно попытаться не допустить этого, заставить допрашиваемого говорить, общаться, что позволит следователю составить его психологический портрет, поможет установить хотя бы не глубокий контакт, инициировать ситуацию, когда человек желает объяснить свое поведение или опровергает мнение следователя, но тем не менее приводит доводы, факты, называет источники информации и проч. В любом случае это будет способствовать избежанию тупика в расследовании [4, с. 79]. Поскольку взяточполучатели в своей основной массе лица с рациональным типом мышления, как указывает Т. В. Филатова, субъекты взяточничества (особенно получения взятки) — мужчины, обладающие высоким образовательным уровнем, имеющие достаточно большой опыт профессиональной деятельности, значительные организаторские способности и умение эффективно организовывать свою преступную деятельность и её сокрытие, маскировку под официальную деятельность [5, с. 13]. При таких условиях, безусловно, наиболее удачной тактикой допроса взяточполучателей является предъявление доказательств. Однако и здесь нужно проявлять предельную осторожность, поскольку предъявление фактов, не проверенных и не подтвержденных другими доказательствами, будет иметь обратный эффект, так как в такой ситуации взяточполучатель получает возможность легко направить следствие по ложному пути. Напротив, необходимо использовать фактов внезапности при первом допросе, отсутствие у взяточника достаточной информации о том, что известно следствию о событии передачи взятки, конкретных взяточдателей и сущности их показаний.

В случае, когда одновременно производится задержание нескольких лиц, получавших взятки, необходимо очень внимательно отнестись к очередности допросов. Следует учитывать противоречия в интересах разных субъектов и выполняемую каждым из них роль в преступной группе. Как правило, охотнее дают показания должностные лица, которые получили взятку-благодарность, не осуществляли вымогательства и не совершали незаконных действий по службе. Такие лица приводят,

по их мнению, оправдывающие или объясняющие их действия причины, стараясь вызвать сочувствие у следователя и смягчить ответственность. Те же кто осуществлял вымогательство или совершил заведомо незаконные действия, противоречащие интересам службы, отрицают подчас даже очевидные факты или объясняют их провокацией.

В ходе исследования для выявления проблем, возникающих при расследовании получения взятки, были изучены материалы ряда уголовных дел. В ходе изучения установлено, что помимо оказания противодействия со стороны участников уголовного судопроизводства, по многим делам следователь также сталкивается с тем, что в течение всего времени производства предварительного расследования подозреваемый (обвиняемый) пишет огромное количество ходатайств, что влечёт необходимость для следователя тратить большое количество времени на их разрешение. Кроме того, многие подозреваемые (обвиняемые) в течение всего досудебного производства по делу обжалуют большинство решений следователя, что вынуждает следователя представлять в органы, в которые поданы жалобы, материалы дел в копиях или даже оригиналах по запросам, выступать в судебных заседаниях по рассмотрению жалоб, поданных в порядке ст. 125 УПК РФ [6]. На это следователю, порой, приходится тратить массу времени, что также привносит дополнительные трудности, оставляет ему меньше времени, которое можно посвятить собиранию информации об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Нередко встречаются ошибки, которые не связаны именно с расследованием данной категории уголовных дел и не обусловлены их спецификой. Тем не менее, из-за тяжести последствий считаем необходимым остановиться и на этом. Речь идёт о банальном допущении следователями технических ошибок, таких, например, как неверное указание времени в протоколах различных следственных и процессуальных действий. При наличии «пересечений» или «совпадений» в таких протоколах с техническими ошибками судом таким доказательства будут признаны недопустимыми (по крайней мере, один из «парных» протоколов).

Для эффективного осуществления расследования получения взятки необходимо использовать весь спектр возможностей, предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством. По уголовным делам указанной категории часто ключевым доказательством являются результаты прослушивания телефонных переговоров, помимо этого, необходимо, как уже было указано выше, скрупулёзно, с предельной внимательностью подходить к проведению допросов, при этом, допросы заявителя, ключевых свидетелей проводить в кратчайшие сроки после возбуждения уголовного дела. Тщательно необходимо подходить к вопросу назначения экспертиз по делам о получении взятки, необходимо оценить, какие из них будут наиболее результативными. Например, в случае наличия изъятого предмета взятки (денежных средств) дактилоскопическая экспертиза редко даёт следователю желаемый результат, эксперт по смазанным или фрагментарным

следам пальцев рук не даёт однозначного ответа о принадлежности того либо иного следа рук конкретному лицу. Более предпочтительным может быть назначение экспертизы потожировых следов и т. п. Указанные рекомендации позволят проводить предварительное расследование по делам о получении взятки в кратчайшие сроки,

исключат необходимость проведения повторных аналогичных следственных действий (например, повторных допросов), будут способствовать предотвращению противодействия предварительному расследованию и тем самым повысят эффективность расследования данной группы преступлений.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 13 июня 1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. — Ст. 2954.
2. Сперанский И. М. Проблемные вопросы, связанные с расследованием получения и дачи взятки при помощи платежных систем // Интеграция наук. 2017. № 1 (5). С. 47–49.
3. Карнов А. Н. Досудебное производство по уголовным делам о получении взятки: автореф. дис... канд. юр. наук. Московский университет МВД Российской Федерации. Москва, 2006. 26 с.
4. Кушниренко С. П. Особенности расследования взяточничества: учебное пособие. СПб.: СПб юридический ин-т Ген. прокуратуры РФ, 2002. 108 с.
5. Филатова Т. В. Досудебное производство по уголовным делам о получении взятки: автореф. дис... канд. юр. наук. Московский университет МВД Российской Федерации. Москва, 2009. 28 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс. Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // «Собрание законодательства РФ». 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Правовые особенности ответственности за подстрекательство в законодательстве зарубежных стран

Некоз Аркадий Сергеевич, соискатель

Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

Классическим образцом уголовного законодательства континентальной системы права является Уголовное Уложение ФРГ, чья история и теоретическая основа во многом влияют на предписания уголовно-правовых актов иных стран (Австрии, Франции, Испании и др.), хотя и не определяют их содержание настолько, что можно было бы говорить о тождестве правовых конструкций. Влияние это проявляется, скорее, в принципах и основных подходах к определению основания ответственности подстрекателей, нежели в деталях нормативных предписаний большинства стран Европы¹.

Согласно немецкому праву, при совершении несколькими лицами одного преступления различаются ситуации соисполнительства и собственно соучастия². Для соисполнительства характерно совместное совершение одного преступления несколькими исполнителями (непо-

средственными или опосредованными). При этом главная черта исполнителей, на основе понимания которой и происходит отграничение их от соучастников, — «господство над деянием» [9]. Соучастники же (подстрекатели и пособники) принципиально отличаются именно отсутствием такого господства, они — не главные участники, но дополнительные, «участники на обочине», ответственность которых базируется на аксессуарных принципах.

В решении вопроса об отграничении исполнителя от соучастника немецкая доктрина создала несколько авторитетных теорий, в разное время определявших господствующие на практике подходы и решения.

Так, А. Фейербах последовательно отстаивал идею классификации соучастников на основе объективных критериев, признавая исполнителем лишь того, чьи преступные намерения объективировались в опасных действиях, причиняющих последствие, описанное в законе. Однако такой подход, как отмечалось и в нашей литературе [6, с. 5], по существу не проводил различия между подстрекательством и посредственным исполнением: подстрекателя и посредственного исполнителя А. Фейербах в равной мере считал интеллектуальными авторами преступления. На близких позициях, правда, с противоположным выводом, стоял Ф. Лист. Он писал, что подстрекательство может быть рассматриваемо с двух сторон: с одной стороны, это действие по причинению вреда, при котором влияние непосредственного физического исполнителя является лишь «звеном в цепи причины и следствия». Но такой подход фактически нивелирует факт свободы воли самого физического исполнителя. Если же абсолютизировать свободу воли физического исполнителя, то есть высокая вероятность оставить вне правовой оценки действия подстрекателя, уравнивая их со множеством иных объективных и субъективных факторов, которые сподвигли исполнителя к причинению вреда. Выход из ситуации Ф. Лист усматривал в признании подстрекательства не причинением вреда, а созданием условий для причинения вреда, выводом таким образом подстрекателя из области исполнительства, признавая его соучастником на несамостоятельной, аксессуарной природе [5, с. 237–238]. На этой основе создавалось учение о «рестриктивном (узком) понятии исполнителя»

¹ Континентальной системы права в основном придерживается и законодательство латиноамериканских стран при определении видов соучастников. Вместе с тем, в отличие от уголовного права России и других стран, в уголовном праве латиноамериканских стран в определении видов соучастников имеется особенности, эти особенности заключается в том, что подстрекатели (а равно организаторы и пособники) несут одинаковую ответственность, наряду с лицами, непосредственно совершившими преступление (исполнителями), что в некоторой степени сближает правовое регулирование ответственности соучастников с образцами англо-саксонского права. Все указанные лица именуется авторами (autores). Например, согласно ст. 41 УК Эквадора исполнителями признается не только лица, совершившие преступление прямым и непосредственным образом, но и лица, подающие советы, либо подстрекающие к совершению преступления, а также лица, которые стремились помешать предотвращению преступления или путем физического воздействия или служебного положения принуждали других лиц к совершению преступления. См.: Рейес Дарвин Вильявисенсио. Соучастие по Уголовному праву латиноамериканских стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2000. — С. 16 и др.

² Этим немецкое право отличается от австрийского, в котором такого разделения не предусматривается. Согласно § 12 УК Австрии «не только непосредственный исполнитель совершает наказуемое деяние, но и любой, кто склоняет другое лицо исполнить его или иным образом способствует совершению преступления» (см.: Уголовный кодекс Австрии / пер. А. В. Серебрянниковой. — М.: Зерцало-М., 2001). Тем самым утверждается, что подстрекатель совершает именно само преступное деяние, что предполагает принципиально иной взгляд на понятие преступного деяния и его объем, понятие причинения и пр. Широкое понятие исполнителя демонстрирует также ст. 28 УК Испании, согласно положениям которой исполнителем признается не только тот кто лично или посредством использования другого лица как орудия выполнил преступление, но также и тот, кто заставляет других совершить преступление (см.: Уголовный кодекс Испании / под ред. и с предисл. Н. Ф. Кузнецова и Ф. М. Решетникова. — М.: Зерцало, 1998).

(Белинг, Франк, Гиппель, Вегнер), согласно которому исполнителем должен считаться тот, кто предпринимает «типизированное законом действие по исполнению состава преступления», кто, следовательно, осуществляет названные в законе признаки состава преступления (что очевидно выводило из понятия исполнителя ситуации посредственного причинения). Подстрекательство при таком подходе рассматривается как внешнее по отношению к составу преступления (то есть лежащие вне состава преступления) события причинения или способствования. Нормы об ответственности соучастников (подстрекателя и пособника) являются, в соответствии с этой точкой зрения, основаниями расширения наказуемости, которые расширяют понятие деликта, сформулированное в Особенной части.

В противоположность объективным развивалась группа субъективных теорий соучастия, согласно которым исполнителем следует считать того, кто признает деяние своим вне зависимости от содержания действий¹. В основе крайне-субъективной теории соучастия лежит так называемое «экстенсивное» (широкое) понятие исполнителя (Э. Шмидт, Э. Мецгер, В. Бури), которое связывает исполнительство с причиной осуществления состава преступления, так что подстрекательство и пособничество — потому что они также вызывают осуществление состава преступления — реально выступают в качестве форм исполнительства, которые лишь в силу позитивного предписания закона наказываются мягче [6, с. 7–8].

Наконец, в качестве своеобразного компромисса между объективными и субъективными теориями можно считать авторитетную в наши дни финальную теорию или теорию господства над деянием. Р. Маурах так раскрывает смысл этого признака: «Господство над деянием есть охватываемое умыслом, руководство течением события, соответствующего составу преступления, которое дает действующему возможность сознательно управлять финально развивающимся составом преступления» [10]. Поддерживает его К. Роксин, отмечая, что исполнитель, в отличие от иных, над деянием господствует, то есть управляет им по своей воле или по своей воле

дает развиваться ходу событий, тем самым, как центральная фигура, определяет ход событий [1, с. 263–264]. В противоположность исполнительству, говорят сторонники этой теории, любая форма соучастия (подстрекательство и пособничество) характеризуется тем, что в ней отсутствует господство над деянием со стороны участвующего. Подстрекатель виновно участвует в «чужом преступлении», а следовательно, соучастие зависимо, акцессорно от исполнителя.

Сама акцессорность в немецком праве за последнее столетие весьма существенно эволюционировала. Долгое время (по меньшей мере, до 1943 года) в германском праве, как признает М. И. Ковалев, господствовал принцип крайней (строгой) акцессорности, в соответствии с которым деятельность подстрекателя признавалась наказуемой только в том случае, если исполнитель действовал виновно. В настоящее время в основе соучастия — «лимитированная» (минимальная) акцессорность, согласно которой для наказуемости соучастия (подстрекательства и пособничества) достаточно, если главное деяние является противоправным и соответствующим составу преступления безотносительно к тому, является ли оно в то же время виновным [2, с. 24–25].

Смена акцентов в трактовке акцессорности внесла свои коррективы и в представления о социальных основаниях наказуемости подстрекательства. Если при соблюдении условий строгой акцессорности опасность подстрекательства, а следовательно, и основания ответственности за него, виделись в том, что подстрекатель формирует вину исполнителя, а следовательно и виновен перед исполнителем, то исключение признака виновности из числа обязательных характеристик деяния исполнителя привело к изменению представлений об основаниях наказуемости подстрекательства. Сегодня господствующее в немецкой доктрине мнение исходит из того, что «неправомерность соучастия выводится из посягательства на или создание опасности для правового блага, защищаемого составом соответствующей уголовно-правовой нормы. Подобно тому, как вклады сообщников вменяются в вину соисполнителю, подстрекатели и пособники вынуждены считаться с тем, что действия исполнителя будут вменены им. Поэтому они подлежат уголовной ответственности за осуществленное посягательство на правоохраняемое благо или создание опасности для него» [7, с. 529].

Согласно положениям § 26 УК ФРГ «Подстрекательство», тот, кто умышленно подстрекал другого к умышленному противоправному деянию, наказывается как подстрекатель наравне с исполнителем [11]. Слово «наравне» в данном случае не означает собственно равенства наказаний. В § 29 УК ФРГ определено: «каждый соучастник, независимо от вины другого, наказывается в соответствии со своей виной». В этих нормативных предписаниях отражена и сама акцессорность, и ее лимитированный характер, и независимость наказаний участвующих в преступлении лиц. Хотя, по мнению Г. Фристера, «равенство» следует толковать буквально: подстрекатель наказывается так, как если бы он сам принимал решение о совершении преступления. По его мнению, в нормативной дефиниции отражена традиция

¹ Субъективная теория преступления вообще, и соучастия в частности, была весьма авторитетной в Австрии. Так, согласно мнению авторитетного австрийского юриста Ф. Новаковского, при разграничении исполнителя и соучастника следует руководствоваться субъективным критерием — содержанием умысла. Исполнитель действует, выполняет преступление, осуществляя свой преступный умысел. Соучастник участвует в преступлении, сознавая, что он является участником чужого деяния. Он находится под влиянием умысла исполнителя. Исполнитель осуществляет действия, образующие состав преступления, соучастник же выполняет иные действия, лежащие за пределами состава, описанного в норме закона. При этом Новаковский полагает, что преступное деяние выступает не только в форме составов преступления, предусмотренных в Особенной части УК, но и в других различных формах, в том числе в форме соучастия. Все эти формы деятельности образуют понятие преступления в широком смысле слова, и по австрийскому уголовному законодательству все они влекут в принципе одинаковое наказание. По мнению Новаковского, все эти формы осуществления преступления едины в своей сущности — они свидетельствуют о виновности субъекта, т. е. о наличии у него преступного умысла (См.: Лясс Н. В. Проблемы вины и уголовной ответственности в современных буржуазных теориях. — Л.: ЛГУ, 1977. — С. 69; Марущенко В. В. Основания уголовной ответственности по законодательству Австрии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1982).

понимать подстрекателя как «идейного автора» преступления, как «порождение причины решения исполнителя совершить преступление» [7, с.601].

Подстрекательство, как и любое иное деяние, обладает своими объективными и субъективными признаками [12]. С объективной стороны оно характеризуется самыми различными действиями, свидетельствующими о наличии акта коммуникации между подстрекателем и предполагаемым исполнителем. А. Э. Жалинский в цитированной уже работе приводит весьма широкий перечень таких: от злоупотребления репутацией до применения насилия. Однако Г. Фристер справедливо указывает, что толкование этого перечня действий должно быть ограничительным с тем, чтобы с одной стороны, не распространить действие уголовного закона на неопасные и неосторожные ситуации подстрекательства, а с другой стороны, чтобы не допустить признания подстрекателями тех, чьи действия (например, требования, угрозы, насилие) фактически подавляли волю физических исполнителей, что дает основание для признания таких «подстрекателей» исполнителями деликта.

Сами действия по подстрекательству должны быть, кроме того, содержательно определенными и умышленными (в этом положения немецкой и российской доктрины совпадают). Главное, чтобы подстрекательство находилось, по выражению Г. Фристера, в «психической причинно-следственной связи» с решением исполнителя совершить преступление: «подстрекательское действия является необходимым, но не всегда достаточным условием для того, чтобы исполнитель принял решение совершить деяние: важно лишь то, что такое решение без подстрекательства не было бы принято» [7, с. 602].

Исходя из этой посылки решаются и частные, но от этого не менее значимые вопросы судебной практики:

- если решение о совершении деяния исполнитель принял до и вне действия подстрекателя, если подстрекательство не повлияло на решимость исполнителя, виновный в таком подстрекательстве может нести ответственность только за покушение на подстрекательство (такая конструкция объясняется традиционным положением немецкого права о ненаказуемости приготовления к преступлению по общему правилу)²;
- в результате подстрекательских действия исполнитель должен хотя бы начать покушение на правоохраняемое благо, отсутствие такового

покушения, то есть отсутствие исполнителя преступления, в силу акцессорности соучастия предполагает ответственность лишь за покушение на подстрекательство;

- в силу требований определенности подстрекательства совершение исполнителем иного преступления, чем вызывал в нем подстрекатель, исключает по началам акцессорности ответственность за соучастие в совершенном преступлении, но требует ответственности за покушение на подстрекательство.

Подстрекательство в немецком праве — институт Общей части уголовного закона. Вместе с тем, Особенная часть (как и в значительном числе законов иных стран) содержит описание конкретных составов, объективная сторона которых близка подстрекательству. Среди них особое место занимает § 111, который устанавливает правило о том, что публичные призывы к совершению преступных деяний наказываются как подстрекательство с учетом положений § 26; однако если такой призыв не дает результата, то содеянное наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или денежным штрафом. Представляет интерес также § 130а об ответственности за распространение материалов, содержащих указания по совершению преступлений, § 140 — о наказании за вознаграждение, поощрение или одобрение совершения преступлений, § 240, устанавливающий преступность принуждения кого-либо к любому, в том числе и к преступному деянию, § 357 с наказанием за подстрекательство начальником своего подчиненного к совершению противоправного деяния по службе и др.

Основные идеи ответственности за подстрекательство, заложенные в немецком праве, получили свое особое воплощение и интерпретацию в уголовном праве Франции. Согласно УК Франции [13], ответственность соучастников базируется на следующих основных положениях: а) никто не подлежит уголовной ответственности иначе, как свое собственное деяние (ст. 121—1); б) исполнителем преступного деяния является лицо, которое совершает инкриминируемое деяние или покушается на совершение преступления или, в случаях, предусмотренных законом, проступка (ст. 121—4); в) соучастник преступного деяния наказывается как исполнитель (ст. 121—6); г) соучастником преступления или проступка является лицо, которое сознательно своей помощью или содействием облегчило подготовку или завершение; соучастником равно является лицо, которое посредством подарков, обещаний, угроз, требований, злоупотребления властью или полномочиями спровоцировало преступное деяние или дало указание на его совершение (ст. 121—7).

Как и в немецкой доктрине, во французской признается, что соучастники, в отличие от исполнителей и соисполнителей, не выполняют преступное деяние, описанное в статье Особенной части уголовного закона, но лишь акцессорно присоединяются к совершению этого преступного деяния. Как пишет Ж. Прадель, французское право признает «единство преступного деяния и множественность его участников», следовательно, «в едином преступлении соучастие — лишь акцессорный элемент» [14].

² Этот тезис имеет значение и в латиноамериканском законодательстве. Подстрекателем здесь традиционно признается лицо, преднамеренно склонившее другое лицо к совершению уголовно-наказуемого деяния (ст. 46 УК Коста-Рики; ст. 41 УК Панамы, ст. 42 УК Эквадора). Особенностью подстрекательства является то, что подстрекатель внушает другому лицу идею совершения преступления. Подстрекательство возможно лишь к совершению определенного, конкретного преступления. Что касается способов подстрекательства, то как отмечается в правовой литературе латиноамериканских стран, они могут быть самыми различными. Это могут быть убеждения, советы, приказы, угрозы и другие. Важно, чтобы подстрекательство было решающим фактором в определении воли подстрекаемого, и при отсутствии подстрекательства последний не совершил бы уголовно-наказуемого деяния. См.: Рейес Дарвин Вильявенсенсисо. Соучастие по Уголовному праву латиноамериканских стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2000. — С. 16 и др.

Требования акцессорности соучастия предполагают, что основное деяние исполнителя должно быть реально совершено или хотя бы должно начать совершаться. Соучастие на этапе приготовления или в ситуации, когда исполнитель добровольно отказывается от доведения начатых преступных деяний до конца, не рассматривается как преступное и не влечет ответственности (напомним, что наше право оценивает эту ситуацию как приготовление к преступлению). Французские юристы, свидетельствует Н. Е. Крылова, в данном случае говорят о ненаказуемом покушении на соучастии (не путать с соучастием в покушении на преступлении). Кроме того, главное деяние должно обладать признаком уголовной противоправности (ибо ненаказуемо как подстрекательство склонение к неправомерным действиям, соответствующее поведение, однако, может влечь ответственность как самостоятельный деликт, например, склонение к проституции)¹.

Вопрос о вине при соучастии существенно отличается во французском праве и от немецкого, и от российского. Соучастие в целом должно быть сознательным участием в совершении главного преступного деяния. Вопрос же о форме вины в этом главном деянии специально не оговаривается, что дает основание признавать возможным соучастие и в умышленных, и в неосторожных деяниях [15]. Как указывает Н. Е. Крылова, со ссылкой на французскую судебную практику, пассажир, подстрекающий водителя к быстрой езде, в результате чего тот совершает наезд на пешехода, считается соучастником, поскольку Кассационный Суд Франции убежден: положения закона о соучастии носят общий характер и применяются ко всем преступлениям, в том числе и неумышленным [16].

Законодательные формулировки французского кодекса позволяют констатировать, что подстрекательство (в отличие от пособничества, кстати) наказуемо во всех случаях, когда речь идет об уголовно-правовом деликте, вне зависимости от категории этого деликта: будь то преступление, проступок или нарушение, что отражает в целом традиционные представления о сравнительно более высокой степени опасности подстрекательства по сравнению с пособничеством.

Такой подход сочетается с исчерпывающим и ограничительным нормативным описанием действий, составляющих подстрекательство. Причем действующий закон ограничил круг подстрекательских действий по сравнению с предшествующим законом. Уголовный кодекс Франции 1810 года подстрекателям относил всех лиц, которые «подарками, обещаниями, угрозами, злоупотреблением влияния или властью, преступными кознями

или ухищрениями подстрекали к этому деянию или дали наставление, как его совершить» [17]. Сегодня действия по подстрекательству сведены к двум: провокация и дача указаний.

Провокация как форма подстрекательства требует специальных средств: подарки, деньги, требования и пр., должна быть обращена непосредственно к исполнителю преступного деяния, и должна быть результативной². В отсутствие этих условий деяние не может рассматриваться по правилам ст. 121–7 УК Франции.

Дача указаний заключается в предоставлении сведений, необходимых исполнителю для совершения деяния. В отличие от провокации здесь отсутствует элемент принуждения и злоупотребления, это, если можно так выразиться, более мягкая форма подстрекательства, в гораздо меньшей степени оказывающая влияние на волю исполнителя. Поэтому главное условие ответственности здесь заключается в том, чтобы указание или инструкции подстрекателя были в реальности использованы при совершении преступления [3].

Как видим, подстрекательство описано в законе таким образом, что ставит крайне непростые вопросы отграничения его, с одной стороны, от случаев подавления воли исполнителя путем угроз или злоупотребления властью, а с другой стороны, — от «простого» предоставления сведений, не рассчитанного на склонение к совершению преступления. Эти задачи решаются посредством формирования судебной практики и в доктрине уголовного права. Учитывая эти обстоятельства, следует согласиться со справедливым замечанием Р. Леже в оценке французского закона в части регламентации соучастия. Он пишет: «можно только удивляться тому, что после разработок итальянской и немецкой доктрины новый французский Уголовный кодекс остается относительно лаконичным в определении различных возможных форм участия в совершении преступления» [4, с. 417].

Признавая, что изложенное в рамках настоящей публикации не может претендовать на всесторонний, полный и исчерпывающий анализ вопросов ответственности за подстрекательство в законодательстве стран романо-германской правовой семьи, тем не менее, полагаем допустимым на его основе сформулировать несколько общих выводов:

² В этом существенное отличие положений законодательства значительного числа стран романо-германской системы от предписаний швейцарского уголовного закона. Согласно ч. 1 ст. 24 УК Швейцарии, наказуемо, в равной степени как и исполнительство, подстрекательство к совершению преступления или проступка. Правила акцессорности в части необходимости наличия главного действия исполнителя здесь те же, что и в Германии и Франции. Однако в ч. 2 ст. 24 УК Швейцарии закреплено следующее исключительное предписание: «тот, кто пытается склонить другое лицо к совершению преступления, наказывается за покушение на преступление». Тем самым, требование наличия главного действия ограничивается только случаями подстрекательства к проступку; неудавшееся подстрекательство к преступлению преследуется как покушение. (Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред., предисл. и пер. А. В. Серебренниковой. — СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002). По особому решает вопрос об ответственности за неудавшееся подстрекательство итальянский законодатель. Не считая возможным назначить за такое деяние наказание, он полагает допустимым применять меры безопасности в отношении лица, чьи подстрекательские усилия не увенчались успехом (см.: Игнатова М. А. Уголовное право Италии: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. — М.: Юрайт, 2017. — С. 34).

¹ По этому признаку германской и французское законодательство принципиально отличается от китайского закона, который также в целом выдержан в русле континентальной системы права. В соответствии со ст. 29 УК Китая, лицо, подстрекавшее другое лицо к совершению преступления, должно быть наказано в соответствии с той ролью, которую оно играло в совместном преступлении. При этом, если подстрекаемый не совершил преступления, к которому его подстрекали, то подстрекателю можно назначить более мягкое наказание либо наказание ниже низшего предела. См.: Ахметшин Х. М., Ахметшин Н. Х., Петухов А. А. Современное уголовное законодательство Китая. — М.: ИД «Муравей», 2000. — С. 261; см. также: Цзян Хуэйлинь Основные черты уголовного кодекса Китайской Народной Республики: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1999.

- необходимость ответственности лиц, оказывающих подстрекательские функции, убедительно доказанная историческим опытом и отражающая насущную социальную потребность в предупреждении преступлений и обеспечении справедливости, реализована в законодательстве всех без исключения стран, вне зависимости от их правовых традиций, при этом общая схема нормативного воплощения ответственности подстрекателей непосредственно связана с конструкцией соучастия и решением вопросов о наказуемости предварительной преступной деятельности;
- нормативное обособление подстрекателей (а равно пособников и в ряде случаев и организаторов) в качестве соучастников всегда и везде определяется пониманием феномена исполнителя и границ его деяния, между тем такое обособление имеет практическое значение только в том случае, если закон предусматривает нормирование ответственности соучастников (снижение им наказания); поскольку правила обязательного сокращения наказания подстрекателю (и пособнику) постепенно уходят в прошлое (они сохраняются только в некоторых странах, например, в ФРГ, в Аргентине³), в законодательстве ряда стран официального определения подстрекательства не содержится либо действия, образующие подстрекательство и пособ-

ничество охватываются одним понятием «соучастники» — в Испании), но устанавливается общее правило о том, что подстрекатели наказываются либо «как исполнители» (Франция), либо «в соответствии с их личной виной» (ФРГ);

- законодательное определение оснований уголовной ответственности подстрекателей распадается на две составляющие в зависимости от того идет ли речь о результативном или неудачном подстрекательстве; в первом случае ответственность подстрекателей устанавливается рамками института соучастия и носит по преимуществу акцессорный характер (ФРГ, Франция), хотя в некоторых странах она имеет основание, независимое от наличия действия исполнителя (Китай); в оценке неудавшегося соучастия подходы зарубежных стран разнятся: в некоторых из них сконструированы самостоятельные предписания в Особой части уголовного законодательства (Испания), в других такие действия охватываются понятием покушения на преступление (ФРГ, Швейцария);
- оценивая положения российского уголовного законодательства в контексте результатов сравнительного анализа, можно установить, что в целом, Россия сохраняет основные начала регулирования ответственности за подстрекательство, свойственные континентальному праву, но вместе с тем, закономерно отражает в своем праве и общие направления его эволюции: основания ответственности подстрекателей носят акцессорный характер; неудавшееся подстрекательство оценивается как приготовление, но наказуемо только в отношении некоторых опасных преступлений, относящихся к категории тяжких или особо тяжких; отдельные виды неконкретизированного подстрекательства создают самостоятельное основание ответственности по нормам Особой части уголовного закона.

³ В ст. 46 УК Аргентины прямо установлено: «Тем, кто соучаствовал в совершении преступления и тем, кто оказал содействие исполнителям после его совершения, выполнив тем самым свое предварительное обещание об оказании такого содействия, назначается наказание в размере, уменьшенном от трети до половины наказания, предусмотренного в санкции для исполнителей преступления. Если исполнителям назначается лишение свободы в виде пожизненных каторжных работ, то соучастники наказываются каторжными работами на срок от пятнадцати до двадцати лет. Если исполнителям назначается пожизненное тюремное заключение, то соучастники наказываются тюремным заключением на срок от десяти до пятнадцати лет» (см.: Уголовный кодекс Аргентины / науч. ред. и вступит. ст. Ю. В. Голика; пер. Л. Д. Ройзенгурта. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003).

Литература:

1. Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. — М.: ТК Велби, Проспект, 2004.
2. Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. В 2 ч. Ч. 1. Понятие соучастия. — Свердловск: Б. И., 1960.
3. Крылов Н. Е. Уголовное право Франции: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. — М.: Юрайт, 2017.
4. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход / пер. А. В. Грядова. — М.: ВолтерсКлувер, 2010.
5. Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть / предисл. М. Духовского. — М.: Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1903.
6. Слободкин Ю. М. Соучастие по уголовному праву ФРГ: критический анализ: автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 1972.
7. Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть. — 5-е изд. — М.: Инфотропик Медиа, 2013.
8. Уголовный кодекс Испании / под ред. и с предисл. Н. Ф. Кузнецовой Ф. М. Решетникова. — М.: Зерцало, 1998.
9. Roxin C. Strafrecht. Allgemeiner Teil. Band II. Besondere Erscheinungsformender Straftat. — München: C. N. Beck, 2003. — S. 9, 14.
10. Maurach R. Deutsches Strafrecht Allgemeiner Teil 2. — Stuttgart, 1958. — S. 492.
11. Уголовный кодекс ФРГ / пер. с нем. и предисл. А. В. Серебренниковой. — М.: Зерцало-М., 2001.
12. См.: Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / под ред. и с предисл. И. Д. Козочкина. — М.: ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2001. — С. 397.

13. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л. В. Головки; пер. и предисл. Н. Е. Крыдловой. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
14. Pradel J. Droitpenal. T. 1. — Paris, 1997. — P. 473 (цит. по: Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / под ред. и с предисл. И. Д. Козочкина. — М.: ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2001. — С. 329).
15. См.: Основные начала российского и французского права: учебник / под ред. Г. А. Есакова, Н. Мазека, Ф. Мелэн-Сукраманьена. — М.: Проспект, 2012. — С. 143 и сл.; Сальваж Ф. Уголовное право Франции. Общая часть. Учебное пособие / науч. ред. пер.: Петрова Г. О.; пер.: Шлепнева Д. Н. — Нижний Новгород, Гренобль: Изд-во Нижегород. ун-та, Пресс Университер де Гренобль, 2002.
16. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / под ред. и с предисл. И. Д. Козочкина. — М.: ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2001. — С. 336.
17. См.: Французское Уголовное Уложение // Материалы для пересмотра нашего уголовного законодательства. В 2 т. Т. 1. Уголовные Уложения Венгрии, Германии, Бельгии и Франции и проект Общей части Итальянского Уголовного Уложения. — СПб.: Тип. Правительств. Сената, 1880. — С. 368.

Итальянский опыт противодействия преступлениям в сфере банкротства

Саппаров Ринат Рамисович, аспирант

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Одним из наиболее интересных законодательных решений в сфере ответственности за преступления в сфере банкротства является законодательство Италии. Особенность итальянского уголовного законодательства заключается в том, что нормы уголовного права располагаются не только непосредственно в кодифицированном акте, а также в отдельных законодательных актах [3]. Так, преступления в сфере банкротства находятся в отдельной главе Закона о банкротстве (*Legge fallimentari*) [1].

В действующем итальянском уголовном законодательстве предусмотрено две группы преступлений в сфере банкротства, различающиеся по признаку субъекта [2].

А. Преступления, совершаемые банкротами

1. В ст. 216 *Legge fallimentari* установлена ответственность за мошенничество, связанное с банкротством: наказывается лишением свободы от трех до десяти лет, если предприниматель объявлен банкротом, в результате того, что он:

- 1) обманул, скрыл, замаскировал, уничтожил или передал все или часть своих активов или, чтобы нанести ущерб кредиторам, выставил или признал несуществующие обязательства;
- 2) уничтожил или сфальсифицировал полностью или частично с целью получения для себя или других несправедливого преимущества или с целью причинения ущерба для кредиторов, книги или другие учетные записи;

Такое же наказание применяется к предпринимателю, объявленному банкротом, который в ходе процедуры банкротства совершает какие-либо факты, предусмотренные в п. 1 предыдущего абзаца.

2. Согласно ст. 217 *Legge fallimentari* лицо наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до двух лет, если предприниматель объявлен несостоятельным в виду того, что:

- 1) он израсходовал личные или семейные ресурсы, связанные с его экономическим статусом;
- 2) он вкладывал значительную часть своего имущества в явно неосмотрительные операции;
- 3) совершил серьезную неосторожность при управлении ресурсами;
- 4) усугублял свое положение, воздерживаясь от объявления себя банкротом.

Такое же наказание применяется к случаям несостоятельности, которые возникли ввиду того, что за три года до заявления о банкротстве предприниматель не сохранил книг и других учетных записей, установленных законом, или хранил их нерегулярно или неполно.

3. Согласно ст. 218 Закона, директора, генеральные директора, ликвидаторы и предприниматели, осуществляющие коммерческую деятельность, которые продолжают прибегать к кредитам, скрывают состояние несостоятельности наказываются лишением свободы на срок от шести месяцев до трех лет.

Б. Преступления, совершаемые лицами, которые не являются банкротами

1. Согласно ст. 222 Закона директорам, генеральным директорам, уставным аудиторам и ликвидаторам компаний, объявленных банкротами назначаются наказания, предусмотренные ст. 216 Закона, если их действия привели к банкротству компании с намерением или злобой.

2. Согласно ст. 223 Закона наказания, установленные в ст. 217 назначаются директорам, генеральным директорам, аудиторам и ликвидаторам компаний, объявленных банкротами, которые:

- совершили любое из событий, предусмотренных в вышеупомянутой статье;
- способствовали возникновению или усугублению неспособности компании по соблюдению обязательств, налагаемых на них законом.

3. Конкурсный управляющий, который получает или оговаривает плату (подкуп), наличными или в другой форме, в дополнение к той, которая выплачивается в его пользу судом или делегированным судьей, наказывается лишением свободы на срок от трех месяцев до двух лет со штрафом от 103 до 516 евро.

В наиболее серьезных случаях может быть добавлена временная дисквалификация на срок не менее двух лет.

4. Конкурсный управляющий, который не выполняет распоряжение судьи о сдаче или взыскании сумм или других предметов, связанных с банкротством, которые он имеет в своем распоряжении в силу своего служебного положения, наказывается лишением свободы на срок до двух лет и штрафом в размере до 1,032 евро.

Если преступление не оканчивается, применяется наказание в виде лишения свободы на срок до шести месяцев или штраф в размере до 309 евро.

5. Согласно ст. 232 Закона наказывается лишением свободы на срок от одного до пяти лет и штрафом в размере от 51 до 516 евро тот, кто не являясь кредитором самостоятельно или через третью сторону подает заявление о допуске к процедуре банкротства на основании фиктивных документов о наличии кредитных обязательств.

6. Любое лицо может быть наказано лишением свободы на срок от одного года до пяти лет если:

- после объявления о банкротстве скрывают активы банкрота;
- осознавая состояние несостоятельности предпринимателя приобретает имущество по цене значительно меньшей, чем текущая стоимость, если в результате этого происходит банкротство.

Штраф, в случаях, предусмотренных в п. 1 и 2 увеличивается, если покупатель является предпринимателем, который занимается коммерческой деятельностью.

7. Согласно ст. 235 Закона государственное должностное лицо, которое без обоснованной причины не дает направить список векселей протеста за неуплату кредита или отправляет неполные списки в течение

установленного срока судьей, наказывается административным штрафом от 258 евро до 1 549 евро.

Такое же наказание применяется к поверенному реестра, который не передает список отказов от заявлений о выплате в соответствии со вторым абзацем статьи 13 в установленный срок или передает неполный список.

Анализируя законодательство Италии в сфере ответственности за преступления в сфере банкротства, сделаем несколько ремарок:

1. В итальянском законодательстве предусмотрена, как административная, так и уголовная ответственность за деликты, связанные с банкротством. При этом в уголовном законодательстве Италии предусмотрена широкая система норм об ответственности.

2. Законодательно выделены две группы деяний, различающихся по признакам субъекта:

- а) преступления, совершаемые банкротами;
- б) преступления, совершаемые иными лицами, связанными с процессом банкротства (в частности, кредиторами, третьими лицами, государственными служащими, конкурсными управляющими).

3. Для большинства преступлений в сфере банкротства, согласно итальянскому законодательству, характерно наличие специального субъекта. В доктрине итальянского уголовного права такие преступления принято относить к *reati proprio*, так называемым «особенным преступлениям, которые могут быть совершены только ограниченным кругом лиц» [4, Рр. 21–22].

4. В уголовном законодательстве Италии предусмотрена ответственность за умышленные и за неосторожные деяния в сфере банкротства.

В целом, следует отметить, что итальянский законодатель придерживается в большей степени репрессивного подхода. Об этом свидетельствуют: приоритет уголовной ответственности за рассматриваемые деяния; расширение пределов ответственности за счет криминализации большого количества деяний; расширение ответственности за счет включения в число преступных банкротств ряда неосторожных деяний.

Литература:

1. Закон о банкротстве (Legge fallimentari) (официальный текст) // Электронный ресурс: [http://www.fallco.it/legge_fallimentare.php]
2. Pisani N. Diritto penale fallimentare: problemi attuali. Torino, 2010; Conti, L. Diritto penale commerciale. Vol. 1. Torino, 1980.
3. Vinciguerra. S. Diritto penale Italiano. Concetto, fonti, validita. Interpretazione. Milano, 2005. Pp. 83–194. Ronco, M. La legge penale: fonti, tempo, spazio, persone. Bologna, 2006.
4. Zanotti, Roberto. Il nuovo diritto penale dell'economia. Milano, 2008.

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Международный научный журнал

№ 2 (04) / 2018

Редакционная коллегия:

Главный редактор:
Ахметов И.Г.

Члены редакционной коллегии:

Дядюн К. В.
Кенесов А. А.
Курпаяниди К. И.
Кучерявенко С. А.
Яхина А. С.

Руководитель редакционного отдела:

Кайнова Г. А.

Ответственный редактор:

Осянина Е. И.

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Майер О. В.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Кошербаева А. Н. (Казахстан)
Курпаяниди К. И. (Узбекистан)
Куташов В. А. (Россия)
Кыят Э. Л. (Турция)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Федорова М. С. (Россия)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)
Шуклина З. Н. (Россия)

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2587-8573

Подписано в печать 05.04.2018. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25